

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

St.Petersburg Journal
of Oriental Studies

выпуск 2

volume 2

Центр

"Петербургское Востоковедение"

и

Издательско-Коммерческая Фирма

"В о д о л е й"

Санкт-Петербург

1992

С в е т л о й   п а м я т и

Ольги Лазаревны Фишман

**"Заметки ретивого сердца и трезвой головы"
как энциклопедия личности.**

(Уэда Акинари. "Тандай сёсин року", 1809)

И.В.Мельникова

(Санкт-Петербургский Государственный Университет)

Уэда Акинари - японский писатель, самый, пожалуй, известный среди японских авторов XVIII века. Его сборник фантастических новелл "Угэцу моногатари"¹ стал важной вехой в истории японской литературы, и вот уже более двухсот лет привлекает внимание читателей, а также историков и теоретиков литературы². Однако личность автора, Уэда Акинари, всегда была не менее притягательной темой для раздумий. И дело тут не только в судьбе Акинари, богатой неожиданными поворотами и таинственными совпадениями, но в той жизненной философии, пропитанной интересом к собственной человеческой сути, которая свойственна была Акинари.

Большое наследие Акинари, которое включает сборники новелл, очерки, путевые заметки, эссе, филологические и поэтологические исследования, отмечено печатью нестандартной и непростой личности, характера противоречивого, порой неуживчивого, весьма критически настроенного.

Сила обаяния этой личности такова, что нередко даже новеллы Акинари служат исследователям лишь иллюстрацией к феномену личности. При всей спорности подобного подхода, совершенно особое место занимают в творчестве Акинари его предсмертные записки, носящие название "Тандай сёсин року" 膽大小心録. Как значится в заголовке одного из списков произведения, это *какиоки-но кото* 書おきの事 - завещание, в

котором человек говорит о себе и мире " последние слова" (Ф.М.Достоевский).

"Тандай сёсин року" - это записи автобиографического характера, воспоминания о встречах со знаменитыми современниками, афоризмы и анекдоты, догадки филолога, заметки натуралиста-любителя, наброски новеллиста и еще многое другое. Перед нами произведение жанра дзуйхицу (эссе).

Название "Тандай сёсин року" взято из китайского правила стилистики, говорящего о том, что следует сочетать смелость, свободу стиля (тандай) со взвешенностью, осмотрительностью, самоконтролем (сёсин). Правило это содержалось, например, в "Вэньчжан гуйфань", хрестоматии для чиновников, сдающих экзамен на чин, составленной Се Фань-дэ (1226-1289), а также и в других китайских памятниках, известных в Японии. Слова *тандай* 膽大 - "смелость" и *сёсин* 小心 - "малодушие" вошли в японский язык, и возможен прямой перевод названия записок Акинари - "Записки отважные и малодушные". Однако, нам кажется важным сохранить образность иероглифических сочетаний (большая печень и маленькое сердце), которым в русском языке, пожалуй, соответствуют фразеологизмы "горячее сердце" и "холодная голова". Именно поэтому мы переводим название "Тандай сёсин року" как "Заметки ретивого сердца и трезвой головы".

В настоящее время большинство текстов "Заметок", как автографов, так и рукописных копий, хранится в библиотеке университета Тэнри (г.Нара), часть текстов - в Киотоском и Хиросимском университетах. Тексты различаются по объему, датировке, некоторые эпизоды в различных текстах изложены по-разному. Очевидно, Акинари продолжал работу над текстом заметок до самой своей смерти (1809), этим объясняется наличие списков 1808 и 1809 года, а также варианты эпизодов и различная их последовательность от списка к списку.

Серьезная исследовательская работа над памятником началась в 1904 году, когда появилась статья известного литературоведа Фудзиока Сакутаро, посвященная "завещанию" Акинари³. Первое полное собрание сочинений Акинари⁴ включало

как полный (163 дана), так и сокращенный вариант "Заметок". В сборнике произведений Акинари, составленном в 1919 году Фудзии Отоо⁵, "Заметки ретивого сердца и трезвой головы" также были представлены.

Наиболее авторитетной редакцией в настоящее время является издание памятника в серии "Нихон котэн бунгаку тайкэй" (Большая серия японской классической литературы), подготовленное крупнейшим специалистом по японской литературе XVIII в. Накамура Юкихико. Перевод на русский язык выполнен по этому изданию, поэтому дадим краткую его характеристику. Накамура Юкихико использовал ряд текстов "Заметок", основу его редакции составила авторская рукопись Акинари, сохранившаяся в наиболее полном виде (она составляет две трети редакции Накамура), так называемая *дзихицу хон* 自筆本 (книга-автограф). Помимо нее, в текст включены фрагменты из более полных списков "Тандай сёсин року", выполненных не авторской рукой, с несохранившихся оригиналов. После полного текста прилагаются так называемые "сокращенные" варианты "Заметок" - это публикация трех автографов сокращенного варианта "Заметок": "Тандай сёсин року какиоки но кото" (Завещание: Заметки ретивого сердца и трезвой головы), "Ихон тандай сёсин року" (Особая книга заметок ретивого сердца и трезвой головы) и "Тандай сёсин року ихон" (Заметки ретивого сердца и трезвой головы, Особая книга). Сокращенные варианты гораздо короче полного: "Тандай сёсин року какиоки-но кото" и "Ихон тандай сёсин року" в пятнадцать раз, а "Тандай сёсин року ихон" приблизительно в тридцать раз.

Как и все памятники, изданные в серии "Нихон котэн бунгаку тайкэй", "Заметки" Акинари снабжены комментарием. Комментарий Накамура Юкихико - единственный существующий комментарий к памятнику, нет и полного перевода "Заметок" на современный японский язык⁶. На иностранные языки памятник не переводился.⁷

Литература о "Тандай сёсин року", существующая на японском языке, весьма скудна. Текстологическим проблемам

посвящены статьи Ямадзаки Фумото⁸, Симада Сайдзи⁹, и Накамура Юкихико¹⁰. Статьи Нагасима Хироаки¹¹ и Васияма Дзюсин¹² в определенной степени уточняют толкование отдельных эпизодов "Заметок", дают дополнительный материал для комментария.

Наиболее полно и многосторонне освещен памятник в статье Морияма Сигэо "Тандай сёсин року но сэкай" (Мир "Тандай сёсин року")¹³. Автор затрагивает следующие проблемы: мистицизм и эротизм в заметках Акинари, отношение Акинари к властям и к низшим сословиям, взгляды на искусство и литературу.

В большом количестве работ, посвященных Акинари, материал "Заметок" обильно цитируется и используется весьма широко, однако только в трех из известных нам пятнадцати монографий о творчестве Акинари специальные главы отведены рассмотрению "Заметок". Это книги Такада Мамору¹⁴, Усияма Юкио¹⁵ и Морита Киро¹⁶.

Работа над памятником в Японии продолжается, важным шагом была недавняя публикация подробного именного указателя к "Тандай сёсин року"¹⁷. Стимулом к появлению новых исследований, несомненно, послужит выход полного 14-ти томного собрания сочинений Акинари, изданного год назад¹⁸.

За исключением предисловия к, упоминавшемуся уже переводу "Угэцу моногатари", в отечественном востоковедении нет специальных работ, посвященных творчеству Уэда Акинари, и быть может, уместно начать знакомство с этим выдающимся деятелем японской культуры со столь емкого и многогранного литературного памятника, как "Тандай сёсин року".

Здесь нам хотелось бы остановиться на следующих аспектах памятника: 1) особенности авторского мировоззрения и стилистики; 2) авторское самоосвещение.

Материал "Заметок" легко группируется тематически¹⁹ по следующим разделам:

- 1) история
- 2) религия и философия (конфуцианство, буддизм, синто)
- 3) поэзия и филология
- 4) краеведение (особенности различных местностей Японии)
- 5) естествознание (травы, цветы, птицы)
- 6) каллиграфия и живопись
- 7) чудесные явления
- 8) деньги
- 9) нравы и развлечения горожан
- 10) воспоминания автора о себе и современниках.

Отчасти, тематический спектр "Заметок" отражает сложившиеся в обществе представления о том, какими должны быть интересы образованного и достойного человека. В Японии XVIII века триада конфуцианство-буддизм-синто лежала в основе мировоззрения общества, а образование строилось на изучении литературно-исторических памятников, история и филология были центральными областями приложения сил ученых. Основы естествознания также нередко представляли не как наука о явлениях природы, а как наука о словах - этимология, история названия замещала историю явления. Именно в таком виде присутствует естествознание и на страницах "Тандай сёсин року". Краеведение, замещавшее географию, также было тесно связано с историей и топонимикой, то есть филологической наукой. Взгляды Акинари на роль денег с определенным допущением можно рассматривать как проекцию начал экономики. Каллиграфия и живопись, само собой, входили в комплекс необходимых ученому человеку навыков. Все перечисленные выше составляющие образования и воспитания личности, дополненные живыми наблюдениями, практическими нравственными уроками (рубрики 9 и 10), естественным образом стали тематической канвой заметок Акинари.

Перечисленные темы сквозным образом проходят через все повествование, переходят одна в другую, и лишь в ряде случаев являются "тематическими заданиями" для отдельных данов. Однако, на уровне произведения в целом существуют определенные

тематические узлы, объединяющие общностью темы несколько смежных данов памятника. Если просмотреть переведенные ниже отрывки текста, то даны 1-6 можно отнести к рубрике "поэзия и филология", даны 7-12 относятся к истории, даны 21-26 являются воспоминаниями о современниках, а даны 27-29 рассказывают о лисьем мороке ("чудесные явления"). Таким образом, темы "Заметок" - это и структурный фактор произведения.

Однако, если мы попробуем извлечь из "Заметок ретивого сердца и трезвой головы" взгляды Акинари, скажем, на историю, или на буддизм, то столкнемся с весьма противоречивыми суждениями. Это не удивительно, ведь даже в научных трактатах Акинари не столько излагал свои теории, сколько критиковал оппонентов, и не без блеска. Знаменитая дискуссия Акинари с Мотоори Норианага, лидером направления кокугаку, развернувшаяся в 80-х годах XVIII в. на страницах их работ по японской истории и филологии, закончилась поражением Акинари. Но замеченные Уэда Акинари "перегибы" маститого ученого, увлеченного своей теорией превосходства всего японского (религии, истории, монархии), оказались весьма прозорливыми. Тем более далек Акинари от односторонних оценок в своих "Заметках". В первом же дане "Тандай сёсин року" Акинари говорит о вреде "пристрастий", и хотя он имеет в виду область пристрастий поэтических, он протестует против любых застывших мнений. Он спорит с поэтическим каноном вака и с буддийскими заповедями, с экспертами по старинной живописи и со знатоками чайной церемонии, со взглядами китайских историографов и с народными поверьями.

Для Акинари характерно высказать свое мнение по тому или иному поводу, отталкиваясь от чужих суждений. Собственное его мнение всегда объемно, многосторонне, поскольку складывается из ряда суждений, на первый взгляд, взаимно исключаящих. Приведем несколько примеров.

О буддизме: "Будда, как и мудрецы, сажал ростки добра, чтоб принялись они, и расцвели большие деревья, и покрыли весь мир"

(дан 30). "Все эти секты - чепуха, никакой пользы государству, увеселение для дураков" (дан 71).

О деньгах: "У золота дурной нрав. Притаившись оно не сидит. И днем, и ночью оно бежит от одного к другому, и радуется людям, и мучает" (дан 142). "Все же неуютно живется, если считать золото врагом, пожалуй, гораздо спокойнее просто принимать его, когда дают" (дан 19).

Точно также, отзываясь с пиететом о том, что "от эпохи богов и до сего дня вот уже более ста поколений императоров непрерывно сменяют друг друга" (дан 9), Акинари напоминает об относительности представлений, будто бы императорские регалии, как предметы сакральные, способны устоять перед пламенем пожара (дан 8). Отстаивая вполне рационалистический взгляд на небесные тела через подзорную трубу, исключая представления о них, как о божествах "с глазами и носом", Акинари доказывает, что лисы морочат людей и приводит примеры из собственного опыта. Все это демонстрирует активное нежелание строить теории и постоянные сомнения в справедливости уже сказанного. Акинари формулирует это следующим образом: "То, что люди называют красивым, мне порой кажется безобразным. Но раз невозможно определить разницу между красивым и безобразным, то следовательно, нет ее и меж добром и злом, правдой и кривдой" (Тандай сёсин року ихон).

Понимая, что на любой вопрос всегда может быть несколько ответов, в зависимости от угла зрения, Акинари приводит следующий случай, иллюстрирующий философию на бытовом уровне: "Как-то, когда выбирал гейшу, спросил - какая нынче самая лучшая? - Та, которую вы возьмете, - сказали мне. Это тоже ответ!" (Тандай сёсин року какиоки-но кото). Конечно, тут легко усмотреть влияние Чжуан-цзы, и оно могло быть²⁰, но нам кажется убедительным мнение Ова Ясухиро, уверенного, что для подвергнувшего сомнению все авторитеты Акинари "своим" могло стать лишь то, что выросло из жизненной практики и сопрягалось с его собственным взглядом на мир.²¹

Такая особенность мировоззрения Акинари на уровне стиля "Заметок" проявляется в резкой полемичности, орудиями которой служат инверсия, вопрос, афоризм, парадокс. Приведем примеры вопросов, завершающих рассуждения вместо резюме: "Да есть ли под землей ад?" (дан 132), "Почему боги такие разные?" (дан 31), "Как же так, что в разных верованиях небеса - разные?" (дан 100).

А вот примеры афоризмов Акинари, граничащих с парадоксами: "Те, кого называют мудрецами, всегда были плохими вассалами" (дан 157), или: "Все верные вассалы, почтительные сыновья, преданные жены прославили свои имена тем, что на них грудой обрушивались несчастья, и они умирали, сохранив свою верность, ну а те, кто не добился славы - счастливы" (дан 155). Не случайно Акинари восхищается парадоксом, услышанным от уличного зазывалы: "Родную мать и за золото не купишь, но если захочешь продать - гроша не дадут" (дан 141).

О стиле "Заметок" пока можно высказать лишь самые общие наблюдения описательного характера. Во всяком случае, "Заметки ретивого сердца и трезвой головы", как и сборник "Харусамэ моногатари", создававшийся в тот же период, написаны Акинари уже не тем изощренным языком со множеством аллюзий, каким прославился сборник "Угэцу моногатари". Акинари использует меньше книжных слов китайского происхождения, временами включает просторечия. Допускаются также отступления от норм грамматики бунго (классического литературного языка), делается это ради экспрессивности стиля, имеющего (в очерках бытового и автобиографического характера особенно) установку на разговорность. Нам кажется примечательной и такая особенность стиля "Заметок", как юмористическая окраска многих суждений, в том числе и "ученых". У Акинари мы не находим сатиры на ученый трактат, как у его современника Хирага Гэннай, но едкая насмешка не единожды развенчивает мнимые истины и сообщает литературную ценность и интерес самому сухому материалу.

Для нас особый интерес представляют отрывки, в которых Акинари пишет о себе. Собственно автобиографическими можно назвать лишь три из ста шестидесяти трех данов памятника (даны

5,69,98), однако отдельные замечания и факты встречаются и в других данах, по нашим подсчетам их двадцать пять. В большинстве случаев Акинари пишет о себе в третьем лице, называя себя "стариком" ("окина" или "ро"). Однако, иногда повествование ведется и от первого лица, с употреблением местоимений "ватаси" или "варэ" (я). Сама по себе проблема "прав личности", в том числе ее права на самоосвещение и самовыражение была актуальна для Акинари (см., например, дан 4). Это отдельная большая тема, здесь лишь напомним, что со второй половины XVIII века правительством Японии, в целях укрепления системы, насаждалась идеология "бундо исики" (осознания своей доли), согласно которой каждый член общества должен был "знать, чего заслуживает и удовлетвориться своей долей".

Если опираться на статью Уэда Акинари "Ясумигото" (Простота,1792), в которой нередко видят отражение "народного самосознания в условиях феодализма"²², то Акинари был согласен с таким фаталистическим, сословным подходом. В ряде своих работ, да и в литературных произведениях, он осуждал эгоистические устремления, идущие во вред стабильности общества. Однако, на практике, в жизни, Акинари отстаивал права "я". При этом, осознание собственного социального статуса как низкого и достаточно высокая самооценка вступали в противоречие, которое отразилось на страницах "Заметок". Акинари с горечью пишет, что люди зовут его "отпрыском чайного домика" и настаивает на том, что "все, кто не из секты неприкасаемых (эта) - могут жить с людьми" (дан 110). Действительно, Акинари родился в веселом квартале, отец его неизвестен, фамилию Уэда он получил от своего усыновителя, торговца бумагой и маслом. В "Тандай сёсин року" читаем: "Старик происходит из купеческого семейства. Но уж такой я беспутный - не то, что не смог преумножить богатство, а и вовсе разорился из-за пожара, было мне тогда тридцать восемь лет. Я ничего не умел и, конечно, принялся учиться на врача". По-видимому, и до пожара дела Акинари-торговца шли не слишком хорошо, гораздо больше его интересовала литература. Как рассказывается в дане 5, в юности

Акинари, следуя моде, слагал трехстишия хайку, затем предпочел пятистишия вака, требовавшие более серьезного знакомства с национальной поэтической традицией, с классической японской литературой. Органичным было обращение Акинари к популярному в его время направлению кокугаку (национальная наука), последователи которого занимались филологическими исследованиями японской литературы VIII-XII веков. Обо всем этом Акинари пишет в заметках, называет и имена своих учителей, однако гораздо важнее для Акинари не факты, а тезис о том, что в науке следует идти своим путем, полагаться на собственные силы, не преувеличивая их ("биться над тем, что непостижимо - это не ученость, а невежество"), но и не опасаясь прослыть самоучкой. Рассказ о собственном опыте практикующего врача также является для Акинари поводом высказать взгляды на медицину, взаимоотношения врача и больного. Вопреки обычаю тогдашних врачей, Акинари дал себе зарок "не заниматься посредничеством в ссужении денег, посещении веселых домов, заключении браков и купле-продаже ценной утвари", и потому его "замучили нервы" (дан 69"). Оставив выгодное ремесло врача, Акинари поселился "в хижине из травы" в предместьях Осака. Приводя сетования собственной матери на этот счет, Акинари подчеркивает нестандартность своего поведения, противопоставляет собственные ценностные ориентиры - общепризнанным.

Рассказывая о своей жизни в Киото, где он провел последние шестнадцать лет, Акинари пишет о денежных затруднениях, о частой смене пристанища, о череде потерь, о болезни глаз, которая не позволяла ему работать, однако все эти печальные обстоятельства излагаются несколько отстраненно, без ламентаций. О том периоде, когда создавались "Заметки", (последний год Акинари) говорится: "Теперь я уже ничего не могу, и потому пью зеленый чай и пытаюсь постичь смерть" (дан 68). Отталкиваясь от этих слов Акинари, японский ученый Такада Мамору назвал "Тандай сёсин року" заметками мертвеца²³. Известно, что Акинари верил в предсказание, полученное в детстве, о том, что он проживет 68 лет. Прожитые сверх этого срока восемь лет он считал

"излишком", недаром в старости один из его псевдонимов был Есай ("излишек лет"). Спокойная мудрость и пронзительная искренность некоторых замечаний Акинари, особенно тех, что касаются его самого, действительно, создают ощущение, что автор смотрит на жизнь уже "со стороны".

Важный эпизод из последнего периода жизни Акинари изложен в дане 98. Болезнь глаз стала причиной того, что Акинари вынужден был продать часть своей библиотеки, а менее ценные книги и свои собственные труды связал в узлы и бросил в старый колодец возле дома, где жил²⁴. Вся эта история, любопытная сама по себе, примечательна также ссылкой на аналогичный поступок китайского литератора по имени Чжэн Шо-нань (конец эпохи Сун), чья книга стихов и воспоминаний "История души" пролежала в железном ящике, брошенная в старый колодец, более трехсот лет. По-видимому, Акинари тоже адресовал свои "бесполезные труды", в том числе и "Заметки ретивого сердца и трезвой головы", далеким потомкам.

Факты биографии, которые Акинари сообщает в "Заметках", порой неверно им датируются, однако в целом укладываются в ту биографическую канву, которая создана усилиями японских ученых. Правда, некоторые важные вехи в жизни Акинари остались в тени. Ничего не говорится об изучении китайской литературы на разговорном языке, что во многом послужило толчком к самостоятельному творчеству в прозе, не останавливается Акинари и на своем опыте популярного беллетриста, лишь мимоходом сетует, что за новеллы о привидениях его упрекают в невежестве. Хотя в "Тандай сёсин року" много места отведено рассказам об учителях и учениках осакской школы Кайтокудо, где сыновья горожан изучали конфуцианских классиков и постигали азы наук того времени, мы так и не находим ответа на вопрос, учился ли сам Акинари в Кайтокудо. Как представляется, рассказывая о себе, Акинари скорее делал акцент на оценке фактов, собственной и окружающих людей, нежели на самих фактах. Перед нами осмысление прожитой жизни, а воспоминания о некоторых ее

эпизодах - лишь иллюстрация. Таким образом, отбор фактов тесно связан с их интерпретацией.

Показательно проследить, как называет себя в "Заметках" сам Акинари и какие суждения о себе приводит. Акинари всячески подчеркивает свою несхожесть с другими людьми, даже если сравнение не в его пользу. Так, сам он называет себя "беспутником" (хоюся), друзья называют его "несерьезным человеком" (итадзура). Сам он пишет о себе: "то, что радует меня, отличается от того, что радует других", "вряд ли найдется мне пара...". А вот чужие слова: "человек беспримерный", "выпячивает свое "я" в науке", "ненормальный". Конечно, сознание собственной исключительности - это одна из сторон осознания ценности человеческой личности. В "Тандай сёсин року" это помножено на старческое одиночество, усиливающее антиномию "я" - "не я". В результате рождается образ "генерала гор" (яма-но тайсё), "одинокого старца среди гор" (яма ути-но хитори рофу). Горы - это безлюдье, место, где живут отшельники, это суровые условия жизни, ну и конечно, это нечто величественное и мощное, соответственно, "генералом гор" может быть лишь человек неординарный. Любопытно, что в новелле "Одноглазый бог" (сборник "Харусамэ моногатари") автор, Акинари, выводит себя в образе одноглазого божества, накоротке знакомого с тэнгу, героями японских народных поверий, проживающими на вершинах гор. Объективно, образ "генерала гор" стоит в одном ряду с образами благородных отшельников старых времен, таких, как поэт-монах Сайгё, о котором неоднократно упоминается в "Заметках". Вполне согласуется он и с популярной в Японии со второй половины XVIII века моделью поведения образованного человека, получившей название "бундзин" (конечно, от китайского *вэньжэнь* 文人). Тогда акценты сместились с нравственного усовершенствования личности на основе изучения конфуцианской классики к ее творческому самораскрытию на основе занятий различными искусствами и литературой. Идеалами бундзинов были: отрешенность от суеты повседневности, благородное одиночество, творчество "не на продажу".

Однако, сам Акинари противопоставлял себя бундзинам. Приведем полностью отрывок 70, весьма характерный, под "конфуцианцами" в нем, конечно, подразумеваются бундзины: "Хотя конфуцианцы называют себя поэтами, все они торговцы, им не дано отрешиться от мира, как это сделал старик. Жалкие люди! И вот чем еще они отличаются от старика: хоть некоторые из них и живут на манер отшельников, зарабатывают на существование тем, что ведут борозду кистью, они, похоже, не имеют такой широкой известности, какая есть у старика. Я хочу сказать, что при всей своей начитанности и способностях, они обладают вредным характером и негибким умом, вот и трудно им пристроиться к делу. Натура их совершенно иная, чем у хранимого небом старика, и посему эти недалекие люди ему уступают" (дан 70).

Текст противоречив и требует комментария. С одной стороны, мы видим здесь протест против "торговли именем", осуждение преподавательской деятельности, бессмысленной с точки зрения Акинари, поскольку он ценил врожденный дар и самообразование. Нам видится здесь и неприятие определенного давления наставников на личность обучающихся. Критика "торговли" искусством, литературой, наукой встречается в "Заметках" неоднократно. Хотя декларативно бундзины отстаивали "непродажное" искусство, на практике большинство имели учеников и жили за счет этого. Акинари же не создал собственной школы.

Отличие Акинари от бундзинов и чисто сословное, и здесь мы опять сталкиваемся с парадоксом. Если принадлежавшие к самурайству бундзины нередко демонстративно отказывались от службы (напомним, что само слово самурай происходит от глагола "самурау" - служить), то безродный Акинари, который не мог претендовать на официальную службу, доблестную службу весьма ценил и считал высоким предназначением. В отказе бундзинов от службы Акинари видит не протест против системы, а "вредный характер и негибкий ум".

Противопоставляя себя бундзинам, которые отталкивались от классической поведенческой модели "ученого конфуцианца", Акинари осуждает и последних за их рационализм, этический

ригоризм. В отрывке 54 "старик" говорит о своем преодолении пиетета перед конфуцианскими ортодоксами и равняет себя с мудрецами китайской древности: "Конфуцианцев старик перестал бояться в середине жизни. Хотя в науках и поэзии он не мастер, ему порой случалось ронять стружки мудрости". (Буквально у Акинари сказано: сэйдзин-но кэдзурикудзу - стружки мудрецов) В нескольких отрывках полуслепой Акинари в шутку называет свои корявые иероглифы "следами птичьих лап", по которым, согласно преданию, мудрецы древности создали письменность. Свою свободную манеру письма он сравнивает со смелостью буддийских патриархов, основателей новых религиозных сект. Конечно, шутки смягчают высокие притязания Акинари, однако очевидно его желание равняться на самые благородные и освященные временем образцы. Тао Юань-мин и Хань Юй, Какиномото-но Хитомаро и Сайгё - вот с кем беседует и спорит Уэда Акинари. И символично, что классики новой японской литературы Сато Харуо²⁵ и Мисима Юкио²⁶, в свою очередь, избрали своим собеседником его, Уэда Акинари.

Здесь, в обзорной статье, задачей которой было дать своего рода введение к фрагменту "Заметок", переведенному на русский язык, не было возможности остановиться на роли творчества Акинари в литературном контексте его эпохи. Нас более интересовала личность, предстающая в процессе самопознания. В этом смысле "Заметки" Уэда Акинари - уникальный человеческий документ и ценный литературный памятник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В русском переводе см.: Уэда Акинари. Луна в тумане. М., 1961.
2. Существует несколько переводов "Угэцу моногатари" на английский язык, переведен сборник также на французский, испанский, венгерский, чешский и польский языки.
3. Фудзиока Сакутаро. Уэда Акинари-га митару Кансэй-но бундзин, гака. - Тэйкоку бунгаку, 1913, N2.
4. См.: Уэда Акинари дзэнсю. Т.1-2. Токио, 1918.
5. См.: Фудзии Отоо, Акинари ибун. Токио, 1919.

6. Из 163-х отрывков "Тандай сёсин року" выборочно переведено на современный японский язык 22 отрывка в кн.: Эдо сёсэцу сю. - Нихон-но котэн. Т.24. Токио, 1971.

7. Хотя Блейк Морган Янг в своей монографии, посвященной Уэда Акинари (единственной за пределами Японии), часто цитирует "Тандай сёсин року", он всегда ссылается не на текст памятника, а на японские работы. См.: Blake Morgan Young. Ueda Akinari. Vancouver, 1982.

8. См.: Ямадзаки Фумото. Тандай сёсин року-ни цуйтэ. Котэн кэнкю. 1939, N10, с. 47-63.

9. См.: Симада Сайдзи. Тандай сёсин року сёрон. - Кинсэй бунгэй кэнкю то хёрон. 1988, N11, с.41-53.

10. См.: Накамура Юкихико. Тяка суйгэн то Тандай сёсин року. - Кокуго кокубун. 1954, N3, с.42-57.

11. См.: Нагасима Хироаки. Тандай сёсин року-но нака-но фудзоку сёсэцуфу сёхин. - Суминоэ, 1989, N4, с. 21-24.

12. См.: Васияма Дзюсин. Тандай сёсин року-ни миру Кэнниндзи-но Сюн тёро-ни цуйтэ. - Бунгэй ронсо, 1980, N3, с. 17-22.

13. См.: Морияма Сигэо. Тандай сёсин року-но сэкай. В кн.: Нихон бунгаку. Сигэн кара гэндай э. Токио, 1978, с. 261-302.

14. См.: Такада Мамору. Уэда Акинари кэнкю дзёсэцу. Токио, 1968.

15. См.: Усияма Юкио. Уэда Акинари-но баннэн. Токио, 1985.

16. См.: Морита Киро. Уэда Акинари-но кэнкю. Токио, 1979.

17. См.: Уэда Акинари "Тандай сёсин року" дзимбуцу сакуин. - Эдо бунгаку нэнси-89. Токио, 1989. с. 186-211.

18. См.: Уэда Акинари дзэнсю. Т.1-14. Токио, 1990.

19. Сходные тематические рубрики выделяет Морита Киро. См.: Указ. соч., с.299-303.

20. См. об этом: Огура Рёити. Уэда Акинари-но сии хохо-но токусицу. - Отани дзёсидай кокубун, 1976, N4, с. 76-91.

21. См.: Ова Ясухиро. Уэда Акинари. Соно икигата то бунгаку. Токио, 1982.

22. Накамура Хироясу. Акинари-но моногатари рон. - В кн.: Акинари. Токио, 1972, с.310.

23. См.: Такада Мамору. Указ. соч., с.462.

24. Ряд произведений Акинари, дошедших до нас в рукописях, например работа "Нубатама-но маки", носят следы пребывания в воде. Кто достал их из колодца и спас - неизвестно.

25. См.: Сато Харуо. Уэда Акинари. Токио, 1964.

26. Мисима Юкио пишет, что в годы второй мировой войны он не расставался с книгами Уэда Акинари. См.: Мисима Юкио. Угэцу моногатари-ни цуйтэ. - В кн.: Акинари. Токио, 1972, с. 247-250.

ЗАПИСКИ РЕТИВОГО СЕРДЦА И ТРЕЗВОЙ ГОЛОВЫ

Уэда Акинари

1

Уж если говорить о столице, то там стихи пишут многие. Но все они неумелы даже в подражании.

- Делайте, как я, - говорят так называемые наставники, - старайтесь в точности копировать приемы тюнагона Кёгоку¹. А ведь эти учителя не могут не знать о веке Цураюки и Мицунэ². Цураюки же, да и Тадаминэ³, высоко ставили Хитомаро⁴. Даже в досужем стихотворстве есть свои пристрастия, и они мешают.

2

Роан¹ говорит мне: - Живешь, никаким делом не занимаясь, баловство это. Займи себя, исправляй чужие стихи, заведи знакомства.

- Не знаю, что именно нужно поправлять в чужих стихах, ответил я ему.

- Пустяки, просто трудись ради того, чтоб глупых сделать умными, - сказал он.

- Нет-нет, кто не родился для этого поприща, пусть уж останется глупым. Даже люди, которые отлично усвоили унаследованное от отцов ремесло, глупеют, обучаясь тому, к чему нет у них дара.

На это Роан ничего не ответил.

3

Кокэй¹ сказал: - Поэтические " состязания мастеров"² давно уже не проводятся. Давай устроим их вдвоём с тобой и будем слагать стихи!

- Стихи слагать не трудно, но в наше время следует это назвать " состязанием торговцев"³, - ответил я, и он умолк.

4

Когда я написал, что (в старину) не было правил использования азбуки¹, и Наоми² позаботился, чтобы это вырезали на досках, старец Харуми³ из Эдо изволил заметить: "Выпячивает своё "я" в науке". На это так скажу: "я" - это талант, только другими словами. Когда Яо уступил Шуню Поднебесную⁴, он поступил в угоду "я", но это было во благо. Тан-ван говорил: " Из трёх углов сети выпускаю, в один угол - добуду"⁵, - вот ещё откуда пошло "я". Когда в Поднебесной воцарилась династия Чжоу, и отпрыски рода Цзи создали сорок два государства, а потомки династии Инь лишь одну страну Сун, то и тогда правитель тешил своё "я"⁶. Уж его-то "я" стало притчей во языцех: силой отнял трон, а представил, будто в его пользу "отреклись".

Вряд ли стоящее это занятие - толковать классические книги. Но мир наш существует уже давно, слова в нем меняются, и письменность тоже: использовали иероглифы по смыслу, использовали и по звучанию, - вот об этом я и написал, привёл примеры и всякое такое. Ведь хорошо, что я вложил в эту работу свои мысли, по-моему, это разумно. Тао Юань-мин говорил: "После того, как усвоишь общий смысл написанного в книге, узнать ещё что-либо невозможно, так это и следует оставить"⁷. О том же и история, как он поглаживал кота с ненапрянутыми струнами, говоря: " От одного вида весело"⁸. Есть тут резон. Я, старый, думаю, что

кое-кому моя теория не по нраву, вот и толкуют о ней превратно. Старик на это так ответит:

"Смёл пожар Большого Будду,
Рухнули опоры.
Муравьи, что неустанно
Там точили ходы,
Нынче развелись повсюду⁹."

Хань Юй говорил: " Думай не столько о хвале до, сколько о хуле после"¹⁰, - но и хвала, и хула зависят от пристрастий того, кто их высказывает.

5

В молодые годы, вслед за другими, я считал очень занимательными стихи, которые зовутся хайку¹, и высоко их ценил. Да и после того, как выучился слагать вака², я время от времени забавлялся сочинением хайку. Когда я понял, что вака очень трудны и мне не по силам, я совсем было с этим смирился, но люди посоветовали обратиться к одному тюнагону³, чтобы он отметил (мои ошибки) тушью. Я остался весьма доволен, но когда порой спрашивал о том, что было непонятно, он говорил:

- Дотошный вы человек! Ладно, подумаем над этим, - и в конце концов ответа не было.

Чувствуя себя одиноким и беспомощным, я собрал и прочёл труды Кэйтю⁴, толкующие старые слова. И всё же, кое-где ещё оставались сомнения. Чудом познакомившись с учителем Фудзивара-но Умаки⁵ из Эдо, я услышал от него подробное разъяснение этих непонятных мест. Однако, этот наставник, когда мне было сорок четыре или сорок пять лет, получил назначение на службу в столицу, отправился туда и вскоре скончался. Было ему за пятьдесят.

Я очень жалел и тосковал, но так случилось, что сам я в то время взялся за ремесло лекаря, каждый день разъезжал во все концы, и уже не думал искать опять хорошего учителя. В возрасте

от сорока трех до пятидесяти пяти я старательно трудился⁶. Это не было ремесло, которому я учился с детства, и в конце концов я заболел, а чтобы набраться сил, поселился в деревне, в уединении. Свободного времени было много, и снова вспомнилось прежнее. На старости лет я продвигался в науке (с трудом), как "рыба на исходе пути в тысячу ли"⁷, к тому же, не всегда был согласен с тем, что говорят учителя. Я обратился к книгам и многое для себя извлек, ну а то, что непонятно, откладывал, как учит Тао Юань-мин⁸.

Один человек сказал: "Биться над тем, что непостижимо - это не ученость, а невежество"⁹. Вот уж, поистине так, я за непонятные места не берусь. Но есть люди, которые силятся растолковать старые слова. К такому приходит много учеников, и всех их он именуется "детьми". Конечно, у него много вольных толкований. Говорю про человека из провинции Исэ¹⁰. Считают, что опираясь на "Кодзики"¹¹, он сумел постичь древность. Я, старик, злословлю:

"Вот ведь чушь городит он,
А учеников - подайте!
Люди говорят недаром:
Толкователь - побирושка
Кодзики Дэмбэй.¹²"

Сказано: "Самоучка ограничен"¹³. Но если в начале обучения следуют за наставником, то потом нужно уже не столько беспокоиться, как бы не остаться самоучкой, сколько размышлять, в одиночестве сидя у окна до боли в глазах. Называется ли это "выставлять свое "я", или как-нибудь иначе, но только так узнаешь большую часть непонятного.

6

Мабути¹, будто бы, сказал: "Когда уподобляют сакуру облаку или ещё называют её снегом, это не режет слух только у одного-двух искусных мастеров". Но ведь даже приверженцу Учения монаху Сайгё² сакура виделась облаком, облако - сакурой, а когда он три

года провел в горах Есино, то во множестве стихотворений писал: "Ах, облако!"³. Я, старый, тут так скажу: одни песни этого монаха - о суетном, другие - вознеслись над суетой, но в мире лишь суетные песни известны повсюду. Да и не только с песнями так, в любом учении, в искусстве полно таких вещей, как "соловей и слива", "Додзёдзи", - в общем, всегда есть свои "три столпа"⁴.

7

Вот уже пятнадцать лет я живу постояльцем в столице¹. Хотя и для себя пишу, но все же нельзя обойти вниманием здешнюю старину. За тысячу лет даже здесь, в оплоте императора, знали и расцвет, и упадок, согласно с веком. Когда рассмотришь планировку города Нара², то там, оказывается, одно подле другого, имелись два помещения: то, в котором император обычно соизволял пребывать, и так называемый Тодоин³, где совершались важные государственные дела и церемонии. Если выйти из ворот дворца, то к югу ведет проспект, называемый Судзаку Одзи, ширина его 18 дзё⁴. В самом городе дороги, по которым проезжал император, были шириной 8 дзё, прочие - 4 дзё. Пожалуй, там, где было 18 дзё, противоположная сторона улицы виднелась как в тумане.

8

В правление императора Мураками от пожара четвертого года эры Тэнтоку¹ сгорел ведь не только дворец, но и драгоценное хранилище манускриптов погибло без следа. Вот говорят: "История страны"², - а ведь рукописи нет. То, что имеется, состоит из отрывков, есть и добавления. Один человек со знанием дела утверждал: "Хоть и говорят, что зеркало и меч не пострадали от огня, но есть доказательства, что они уничтожены"³.

9

После смут годов Хогэн и Хэйдзи¹ многое переменилось. Великий сёгун Камакура² получил под начало Ведомство наказания смутьянов³. В провинции тоже, кроме губернаторов⁴, стали посылать наместников от Камакура - власть губернаторов, якобы, ослабела. Так что влияние столицы упало⁵. Однако,(сёгун) хоть и захватил власть, но не заступил на место (императора), поэтому от эпохи богов и до сего дня вот уже более ста поколений императоров непрерывно сменяют друг друга. Во всяком случае, это внушает почтение.

10

Считают, что поэзия - это, непременно, искусство высокородных, но в старину было не так. Велики были притязания государя Годайго, втайне замыслил он низвергнуть Камакура¹, но слух об этом просочился наружу. Нашелся человек, который донес это Ходзё². Тогда стали допытываться у людей, знавших, что здесь правда, а что ложь, и среди прочих схватили Рэйдзэй-доно³. - Сейчас же признавайся! - так допрашивали его, и он ответил:

"Я шел сюда и думал,
Зачем пытаться хотите
Не о пути поэта
"Дороге в Сикисима",
А о делах мирских?"⁴

Тогда его отпустили и позволили вернуться в столицу. Но каков же смысл этой песни? Ведь придворный, высок ли его чин, или низок, едва ль сумеет посвятить себя лишь делам, далеким от житейской суеты. И те, кто мог поверить, что его не в чем упрекнуть, должны были в конце концов погибнуть⁵.

В те же годы случилось, что после низвержения властителей из Рокухара⁶ схватили всех людей сёгуна, на чьей совести был

замок Тихая⁷, и в Рокудзё, в долине реки, поставили их в ряд, чтобы всем снести головы. Тогда воин из самых низкорожденных, по имени, кажется, Сакаи, сложил такую песню:

"При жизни в этом мире
Иные преуспели
Я их числа не множил.
Но неизбежна доля
Стать жалкой горстью праха⁸".

Тут уж, действительно, было над чем пролить слезы. Или взять случай с Минамото Есиизэ, когда он покарал супостатов в Муцу и возвращался в столицу⁹. Сидя на ступенях лестницы, он вел рассказ о ратных делах, и когда это услышал почтенный наставник Го-Соти¹⁰, то, будто бы, пробормотал: "Бравый вояка, а не учен". Так что даже чернь способна слагать прекрасные песни, лишь бы была к этому душевная склонность. И ведь в других делах тоже так, ничуть не иначе.

11

И вознесшиеся в славе воины в конце концов погибают. Правый министр Сокэнъин¹ счел, что было ошибкой чересчур приблизить Акэти Мицухидэ² и приказал Ранмаро³ строго его наказать. Акэти увидел в этом несправедливость, вознегодовал, замыслил предательство и вынудил (Нобунага) к самоубийству. В книге "Су шу"⁴ говорится: "Опасно стыдить того, кто вам служит", - и это очень подходит в случае с Нобунага.

12

Величие Тоётоми¹ в начале не было уж таким явным. Когда он с почтением явился перед господином Ода² и просил взять его на службу, то на вопрос о родовом имени назвался Киносита, исходя из фамилии своего прежнего хозяина Мацусита³. А когда

его сделали удельным князем, он сменил имя на Хасиба, завидуя Сибата и Тамба⁴. Мог ли он знать, что Тамба понизят, а Сибата принудят покончить с собой...

13

Взять, опять же, конфуцианцев - очень упрямые люди. Одно твердят: "Привидений не бывает"¹. Мне, старому, теперь стыдно, что я написал повесть о привидениях². Они говорят:

- Что до лисиц-оборотней, так ведь мало ли что могут наговорить сумасшедшие. Иногда такой объявит: "Я -лиса оттуда и оттуда". Но разве на самом деле этот человек - оборотень?

Они застряли на своем "пути" и запутались в рассуждениях.

Мне часто доводилось видеть, как людей морочат лисы и барсуки. Может, это и не лисы, но эти твари могущественнее людей и, значит, их происхождение небесное. Натура их такова, что для них нет хорошего и плохого, правды и лжи: что хорошо для меня - поощряю, что для меня плохо - прокляну. Даже волки часто насылают порчу, это записано и в "Нихонги", в начале свитка Киммэй³. Мне кажется, что боги, так называемые "ками"⁴ - это то же самое. Тем, кто крепок в вере - посылают удачу, тем, кто ленится молиться - выдумывают наказание. Иное дело - Будды и мудрецы⁵. Ведь они люди, с человеческими чувствами, и даже со злодеев не спрашивают за грехи. Я уже писал про это в "Беседах о богах"⁶, не буду повторяться.

14

Уроженец Исэ Мурата Митинори проживал в Осака и обучался там медицине. Целый год он болел, переносил невыносимые страдания от "напасти небесной"¹. Приходили все наши врачи², но поделаться ничего не могли. Из родных мест Митинори приехал человек, которого он звал старшим братом.

После того, как этот человек поблагодарил моих сотоварищей, он сказал:

- Теперь удалитесь, - и все ушли.

Старший брат сказал Митинори:

- Ты уже давно в Киото и Осака изучаешь медицину, но истинного искусства врачевания постичь не смог. Говорю тебе: врачи не помогут! Ты должен доверить свою судьбу старшему брату.

С этими словами, он уложил его в постель, раздел донага и неторопливо обмахивал веером, время от времени вливая ему в рот жидкий рисовый отвар с медвежьей печенью³. Примерно через двенадцать дней температура у больного немного снизилась, и он стал есть. Наконец, он совсем поправился и вернулся с братом на родину. В деревне брата, которая называлась Оока, от врача по имени, кажется, Цурута, он воспринял систему "легкая пища, легкая одежда"⁴. Говорят, что люди, которые живут в этой деревне и окрест, не болеют. Это истинный мудрец в медицине. Его учение гласит: "Что бы ни сочли мы достаточным, это всегда больше, чем достаточно". Это, конечно, так и есть, но про себя я, старый, ворчу:

- Все же, летом одежда не должна быть легкой. Однослойные одежды можно надевать только летними ночами, после часа обезьяны⁵.

15

Ян Чжу¹ говорил:

- Сто лет - предел долголетия. Столетнего возраста не достигает и один из тысячи. Но пусть даже прожито сто лет - половина срока приходится на младенчество, когда человека носят на руках, и старость, когда чувства притупились. Во время ночного сна дыхание жизни останавливается, забывается то, что было в сознании днем, и это еще половина от половинного срока. И если прикинуть, в десятке с небольшим лет², которые есть в распоряжении человека, не найдется и единого часа без огорчений, пусть малых.

Чжуан-цзы говорил:

- Жизнь имеет пределы, познание пределов не имеет. Стремиться к беспредельному, будучи в пределах - опасно³.

16

Недуг нашего мирного времени - это люди, наживающиеся на собственном имени. У них кипит работа: со всех наук и искусств срывают цвет. Опять-таки - издержки мирной политики¹.

17

Вот говорят: " Мудрецы... Будды ..." А ведь им тоже ведомы были и удачи, и неудачи. Конфуций бубнил: "Сяду на плот и поплыву по морю..."¹. Но хоть он и прибыл в нашу страну, его зажали, пустив в продажу Шакья Муни² - разве приятно? Семеро будд³ - это будды Хосё, Тахо, Мёсики, Кохакусин, Рифуи, Канроо, Амида. Шестеро будд пребывают в бедности и лишениях, среди них только будда изобильных сокровищ Тахо держит маленькую лавочку и может прокормиться⁴. А что до остальной пятерки - и имена-то редко услышишь. Так неужели в счастья и несчастья, в успехе и неуспехе они выше людей?

18

Как почитаешь о милосердии Каннон¹, так выходит, что ни случись - она выручит. Божественная милость, прямо, как у христианского Царя небесного²!

19

Все же, неуютно живется, если считать золото врагом, пожалуй, гораздо спокойнее просто принимать его, когда дают.

20

То ли нынче, то ли встарь, в гавани Сакаи, в Идзумо, где "ни ветра, ни волн нет в заливе Тину"¹, издавна проживал богатый человек по имени Мохатиэмон. Из стариков у него осталась одна мать, и не было одной вещи из тысячи, какую бы он не добыл для ее удовольствия. Будь он беден, власти бы его непременно наградили за такое поведение, дали бы десять серебряных монет, да еще и спасибо сказали. Пришлось бы ему тогда пойти по городу в парадных хакама с визитами и денежными подношениями².

Весеннее солнце еще не горячее, но по утрам лучи его пронизывают сёдзи³, и матушка лежит, бывало, без сна, слушает крики ворон и щебет воробьев. Умница-невестка, не дожидаясь служанок, приберет спальные принадлежности, приготовит воду для умывания, соберет на стол - ничего не упустит. Тут в спешке выходит хозяин:

- Погода сегодня на редкость хороша! Покушаете в Сумиёси, в Тэннодзи или, как обычно, в Росюнан⁴.

Матушка, как всегда приветливо, спрашивает:

- И ты со мной? - а он на это:

- Хотел бы поехать вместе с вами, да родители жены обещали заглянуть к нам по пути в Кисю - вдруг пожалуют? Сегодня я не могу вас сопровождать... А вот и экипаж для вас! - он вскакивает и бежит доставать походный ларчик с чайной утварью и сладости в дорогу. Сопровождают матушку две служанки, приказчик и мальчик из лавки, сын прощается с ней у ворот.

Она была ему не родная мать и, должно быть, не низкого происхождения. Преданно служила она своему покойному мужу, ухаживала за ним на одре болезни, и никогда не знала ничего, кроме тоски одиноких ночей. Своих детей у нее не было, нынешнему хозяину она заменила родную мать, помогала ему от всей души, но и сама с утра до вечера радовалась: "Удостоилась я почтительного сына!". Смышленные внуки ласкались к ней, точно

котят. Каждый день заходил к ним врач, который их пользовал, Модзу Сюнсяку:

- Чайку выпьем?... Разрешите налить вам еще?...

У него была замечательно спокойная манера вести чайную церемонию. Отец жены этого Сюнсяку, китаец Чан Жуй-ту⁵, приплыл к этим берегам от смут эпохи Мин, да здесь и поселился, родилась у него дочь. Она унаследовала отцовские дарования, почерк и стиль ее были столь же изящны, как у Ли и Вана⁶, и она давала уроки. Учеников у нее было множество, что детей, что взрослых, да и собственный ее ребенок, что называется, "щебетал, как воробьи на крыше училища Кангакуин"⁷.

Однажды матушка шла из храма Тэннодзи, собирая на склонах гор травы кровохлебки и антистирии. На пути к дому она увидела у моста Ямато, как бедная женщина с младенцем у груди спешила за экипажем, протягивая слуге какую-то бумагу - похоже, это было прошение. Слуга с удивлением взял его, а когда прибыл домой, сразу отдал старой госпоже - мол, вот какое дело. Откушав, госпожа велела открыть заднюю дверь и вышла в сопровождении служанки:

- Это она?... Я поняла суть прошения, возвращаю вам его. Вы пишете, что он умер по вине нашей семьи, но даже если дети его умерли бы вместе с ним - что же тут можно поделать? Вот это поможет вам продержаться, - она бросила золотой, захлопнула дверь и удалилась.

Когда обо всем этом услышал Сюнсяку, он воскликнул: "Как жаль ее!" - и велел непременно найти женщину и привести. Он был с этой женщиной очень сердечен, и его ученая супруга тоже говорила: "Как хорошо, что ее нашли и привели!" - и была к ней очень добра. Они ее осыпали милостями, даже удочерили, и когда ребенку исполнилось десять лет, Сюнсяку взял их обоих в Эдо, куда ехал поздравлять с девяностолетием своего отца.

Отец тоже вздохнул:

- Какие печальные обстоятельства! - и велел оставить ребенка.

-Его следует отдать в хороший дом, - сказал старик.

В конце концов, для мальчика настало время подняться до "голубых облаков"⁸, и он служил у важной и грозной персоны. Вот такая случилась трогательная история.

21

Как говорится, где была шелковичная плантация - там чайный домик открывают¹. Вот что рассказывал мне покойный батюшка. В старину с моста Сандзё видно было храм Гион². Вдоль дороги, как идти туда, тянулись сосновые рощицы, река Камо не текла грязью, и театры стояли прямо на нынешнем тракте Ямато³. Вернее, были просто места, обнесенные веревками, через которые приходилось проходить даже тем, кто совсем не собирался смотреть представление. С той поры не прошло и ста лет, но нынче на равнине Макудзу слышится не шум ветра, а звуки барабанчика и сямисэна⁴. В таких местах и дождя не услышишь - идет ли он, нет ли? "Бу-у, бу-у",- гудели здесь прежде ивовые луки, теперь же цикады стрекочут свое "тинтирори"⁵. Ничего не осталось от старины.

В стране идет слава о картинах и каллиграфии дома Тайга⁶, ныне листок с несколькими иероглифами - что яшма бесценная. Когда я, старик, был молодым, то побывал у художника. Тот на все отвечал только: "Да, да", - а голову уткнул в циновку. Кругом горой громоздились черновики, даже сесть было негде, тушь пролилась тремя руслами Ганга⁷... Я попросил его:

- Пожалуйста, один листочек...

- Вы ведь, кажется, из Додзима, - говоря так, он написал: "Куробунэ Тадаисиэмон"⁸. Там был еще один самурай из западных земель, ему он нарисовал что-то непонятное и сказал:

- Это клубень горного батата⁹.

Чем только не бахвалятся люди! Один человек, проживавший возле моста Сиракавабаси, рассказывал:

- Вот кисть, которой пользовался Тайга - родитель мой подкармливал его. Спросит, бывало: "А есть у вас рис?" - и даст один-два сё¹⁰. Тайга своей рукой переписал заупокойную молитву по моему батюшке и отнес в храм со словами: "Благодаря ему, моя рука удерживала кисть". Гокаку¹¹ как-то перед новым годом подумал: "Каково в эту пору учителю?" - и вот, постирал кимоно с гербами, да и послал Тайга. А сам Тайга, вместе с Гёкуран¹², расписывал в это время висячие бумажные фонари для чайных домиков. С каждого заведения они брали сто мон¹³ и приговаривали: "У кого нет десяти каммэ на жертвенные лепешки, к тому и весна не придет"¹⁴. Веселые девицы из квартала Гион протягивали им кисеты и веера: "Не надпишите ли?" - а они: "Да,да,да". Начеркают что-то непонятное, и за каждую надпись получают сто мон. Подносили им и вино. Уж не знаю, потчевали ли там разносолами, а к батату, клецкам, говядине и морскому ушку подавали чарочку даже для Гёкуран: "Не изволит ли пригубить Драгоценная Орхидея?"¹⁵. И вот, "Драгоценная", с чаркой в руках и с лицом, как у обезьяны, выводит под новогодними стихами: "Дама Гёкуран".

При жизни Тайга его работы можно было заполучить и бесплатно, однако щеголи из богатых семейств платили по целому каммэ за лист. "Сделал заказ Тайга. Пару листов велел ему подписать: "Неизвестный автор"¹⁶, - гордо заявляли они. Работы наклеивали на картон со словами: "Повешу в первый день нового года. Такая картина - на счастье". Сам учитель Тайга, наверняка, не думал, что в саду храма Сориндзи появится павильон Тайга - Тайгадо¹⁷. Это его ученики, а было их множество, построили чайный павильон в духе Ланьтина¹⁸ и заваривали чай на свой особый манер - в память о том, который ничего в чайной церемонии не смыслил. Не Тайгадо это, а Найгадо - павильон нелепости. Нынешняя его ветхость рождает еще большую грусть, чем "растаявший дым от костров солеварни, испепеленные палаты Муромати"¹⁹.

А картины Бусона²⁰! Теперь их ценят наравне с цветами сакуры, что растет на горе Такама²¹. Поэты, слагающие хайку, на них молиться готовы. Зато хозяину веселого дома "Колокольчик" в квартале Симабара²² он в свое время нарисовал немало....

Нынче и сокровища из веселых кварталов стоят тысячи золотых. Правда, богачи скарены, из рук их не выпустят, так что и прибыли не наживут. Очень я доволен, что во множестве хранящиеся у одного зеленщика в Нагамати документы, якобы принадлежащие кисти Кэйтю²³, оказались, по свидетельству недавней экспертизы, подделкой. Да неужто в наше время и за Басё²⁴ дают целый каммэ?...

А вот еще случай. Один эксперт продавал в провинции документы без клейма, якобы бумаги секты Таката, полученные с севера²⁵. Этот эксперт говорил:

- Хотя людям о таком не рассказывают... На проспекте Сандзё есть община этой секты²⁶, через них и достаются мне эти подделки. Плачу за каждую по одному рё²⁷ серебром. Если посчитать все расходы, да учесть стоимость бумаги - прибыли хватит только на воду.

У осакского поэта Тантан²⁸ был весьма даровитый ученик по имени Сюкё²⁹. И вот, как-то лунным осенним вечером учитель устроил для него так называемую "чайную церемонию одного гостя"³⁰. Чай заваривал какой-то торговец утварью, кажется, по имени Танимацу. Когда чаепитие подошло к концу, учитель попросил гостя свернуть свиток со стихами, что был на стене, и сказал при этом:

- Танимацу, ты будешь свидетель. Сегодня вечером я открываю своему ученику Сюкё тайные традиции сложения хайку. Столь талантливого, как Сюкё, не было и среди трех тысяч учеников Конфуция. Вот это - самое лучшее стихотворение из всего, что создал Басё, - и с такими словами, он передал свиток Сюкё. - А ты, Танимацу, слушай. Если где-нибудь всплывет еще

один свиток с этим стихотворением, я всегда дам за него десять рё золотом.

При таких речах сердце Сюкё затрепетало от радости, но тут же в голове мелькнуло: "Боже, да мне его навязали!" - и на следующий день, досадуя, он принес учителю десять рё.

22

Когда я, старик, только поселился в столице¹, то проживавший напротив моего дома конфуцианец Мурасэ Каэмон² сказал мне: "Пойми, столица - это место, где отсутствуют понятия о нравственности". Прошло шестнадцать лет, и к этому я мог бы только добавить, что не одна лишь безнравственность присуща столице, но еще и бедность. В начале двухсотлетнего правления³ богатых домов было достаточно - уж не Осака ли с Эдо вытянули все денежки?⁴ При этом, когда здешние мужи толкуют о своей родословной, то чванятся чрезвычайно. А ведь, кроме бедности и тупости, у них ничего нет! Живя здесь, я вижу, что все вокруг вульгарно, за исключением гор, вод, цветов и птиц.

23

Минагава Бундзо¹ при встрече каждый раз меня поддразнивал: "Как дела, дед?". Одних со мной лет, а волосы черные, зубы на месте, ходит без палки - и очень этим горд.

А тут как-то я его встретил - все кости торчат.

- Скоро помрешь, говорю, - твори молитвы!

И ведь так оно и вышло. От его школы¹ остался один фундамент, в яме теперь скопище собачьего дерьма. Дурачина он, дурачина... А его младший брат, Фудзия Сэндзаэмон²! Этот был умнее старшего, и науки, и все ему удавалось. Он был моим товарищем в сочинении хайку, прежде мы часто встречались. Потом оба полюбили стихи и прозу в духе старины...

Как переехал он в Осака - погряз в суете. Женщин любил, вот кой-чего у него и отмерло от пламенных излишеств, так рассказывал ученик его, который за ним ухаживал. Если правда, - то и этот был дурачина.

24

Как мыслитель, Мурасэ¹ был мелковат, да и утонченности ему не доставало. В Осака о нем плохо отзывались, никто не хотел его работ.

25

Нескромно было бы сказать, что Осацкое училище имеет значение для всей страны, но это и не провинциальная школа¹. Само собой, у училища есть свое здание. Основатель, Миякэ Сэкиан, следовал учению Ван Ян-мина². Он славился своей искренностью и добросердечием, и за это богатеи построили ему здание и позволили там жить. Сам он родом из столицы и прежде занимался сложением хайку.

"Что свежего в стихах о сливе?

Но веет цвета сливы аромат...³ "

В умении уловить самую суть, Басё и прочие "сочинители" не идут с ним ни в какое сравнение⁴.

26

Меняются времена. Хороший конфуцианец был некогда учитель Гои¹, нынешние же Такэяма и Рикэн² рядом с ним - что служанка кабуру возле гетеры высокого ранга³. Учитель Гои исповедовал учение Кэйтю⁴ и занимался родной словесностью. Правда, когда он написал "Продолжение повести об Отикубо"⁵, то попал впросак. Про Такэяма люди говорят, что этот Бамбуковый

Холм горы свернет, да еще с выгодой продаст⁶. На мой взгляд, горы ему не свернуть, но такое желание у него, определенно, есть. Рикэн, в отличие от брата, имеет репутацию человека рассудительного, но и здесь одна лишь видимость. Много я снес от него стыда, когда про мои истории о привидениях он заявил:

- Темный ты, парень. Таких вещей, как привидения и лисий морок, не бывает вовсе. А те, кто, якобы, одержим лисьими чарами, - просто сумасшедшие.

Как-то в компании однокашников я сказал:

- Школьные любимчики - вот кто темен в делах житейских, за порогом школы.

А балагур Юкитомо⁷ заметил, да так громко:

- Нашему Паиньке⁸ на это нечего возразить.

Рикэн, конечно, услышал, и рассердился. Хоть мы с ним потом еще часто встречались, он никогда больше об этом не говорил.

Рассказывали, что когда его пригласил на службу князь Сиракава⁹, Рикэн сбрил волосы, как это делают люди свободных профессий¹⁰, и под этим предлогом служить отказался.

Я как раз в ту пору зашел к нему и заметил: "Другая прическа?" - тут он мне все подробно и рассказал. "А не сбривая волос, нельзя было отказаться?", - спросил я его, но ответа не последовало. Я еще и после у него бывал, но мне уж было ясно, чего он стоит.

Не знаю, насколько повинны эти два брата в том, что школа захирела, а я давно еще ворчал, что двери школы - это врата ада¹¹. А как иначе? Ведь мало того, что ученики, закончившие полный курс, ничего не умеют, они все промотались и умирают в мучениях от телесных излишеств. А кое-кто из них, проживи он подольше, не миновал бы казни у "адских врат".

27

Когда старик был лекарем, пришли меня звать от хозяина рыбного рынка, что в западном конце. У них был больной, вот они и колотили в дверь. Ну, я пошел. Когда я кончил осмотр, дал лекарство, и можно было возвращаться, на рынке уже настала самая горячая пора - не время для хождений. Один торговец рыбой, взгромоздив на плечо коромысло с огромными корзинами, бежал к востоку. За ним бежала собака. Она ухватила большую рыбину, хвост которой свешивался из корзины, и сочтя это своей добычей, удалилась. Я предупредил: "Собака! Рыбу утащила!". Торговец сбросил ношу, схватил коромысло и пустился догонять. Настиг, с бранью отколотил собаку коромыслом, и отнял рыбу. Снова водрузил поклажу и побежал к востоку. Собака же, с таким видом, будто рыба все равно принадлежит ей, опять побежала следом. Глядя на это, я подумал: человек, если раз и украдет, в другой раз не позарится, собачье естество¹ - иное, что хорошо видно из этого примера.

28

В одной из деревень провинции Харима женщина, что жила там в услужении, в обеденный час мыла ноги, испачканные грязью на поле. Когда она покончила с мытьем, то выплеснула из лохани под забор. Не ведая о том, что там спала лисица, она облила ее горячей водой. Лиса проснулась и, убегая, оглянулась и запомнила лицо женщины. Женщина этого не знала. Той же ночью женщина стала вещать, словно одержимая лисой: "Днем я спала, но на меня зачем-то вылили нечистую воду, которой омывались". Она гневалась, смотрела злобно, и это ночное бешенство было весьма пугающим. На следующий день пришел священник той деревни и объявил женщине-лисе: - Спала ты не у себя дома. Служанка же облила тебя, не зная, что ты тут. И раз уж она совершила оплошность по неведению, то ставить ей это в укор - тоже ошибка. Люди не мстят за удар, нанесенный нечаянно, ты же - скот. После

таких речей лиса замолчала, а он продолжал: - У людей ошибка невольная не ставится в вину. Ты, похоже, впервые об этом слышишь. Поистине, о глупости скота можно лишь пожалеть.

Лиса утихла и больше не являлась. Эта история о том же - о собачьем естестве¹.

29

Рикэн говорит: "Чтоб лисицы сближались с людьми - такого не бывает. Никак не возможно, чтоб они наслали морок на человека."¹ Хосоай Хансай² человек весьма положительный: основателен, во всем любит тщательность, умеет себя держать. А то, что людям это не по душе - так ведь ленивы люди, поэтому.

Когда был он в столице, отправился поклониться храму Ниси Хонрайдзи³. Рано утром он вышел с улочки Масляной квартала Сандзё⁴, но вот и полдень миновал, а он все еще не дошел до места. Наконец, стемнело, и он вернулся домой, совершенно растерянный. Даже его, такого безупречного человека, лисы и барсуки сбили с пути.

Я, старик, тоже однажды покинул свое скромное жилище в Камодзу и отправился в храм Дзёдоин, что напротив Серебряного павильона⁵. Холм Есида я обогнул с севера, а затем двинулся на восток, обычным путем. Тропа была, притом не узкая, и все же каким-то образом я оказался в деревне Сиракава⁶. Я понял, что заблудился, и взяв на юго-восток, пришел-таки в деревню Дзёдодзимура⁷. В беседе с настоятелем храма я, между прочим, рассказал и об этом. Святой отец отвечал: "Вы, должно быть, больны. Будьте очень осторожны." На обратном пути я опять вышел к северному подножью храма Есида, а там намеревался выйти на тракт и, двигаясь в западном направлении, вернуться домой. Однако, каким-то образом я очутился перед храмом Мильона Молитв⁸. И тут я понял - это лисицы меня сбили с пути! Все же я

не потерял присутствия духа и, несмотря ни на что, после полудня пришел к себе.

А еще был случай, когда я ходил поклониться богам Китано⁹. Ушел из дома рано, помолился, и пустился в обратный путь, на восток. Накрапывал унылый весенний дождик, старые ноги мои болели, неприятности доставляли и подслеповатые глаза, и я зашел к Тайга Ига¹⁰, обедать у них, правда, не стал. Дождь усилился, высовывать нос на улицу не следовало. "Заночуете сегодня здесь? А нет - так отправляйтесь в паланкине," - предложили мне, но дождь как раз немного утих. До моего дома оставалось 12 или 13 тэ¹¹, ходить я привычен, да и никак не предполагал встретить в дороге трудности. "Под дождиком еще и веселей", - с этими словами я вышел из ворот и направился к востоку. Когда я дошел до реки Хоригава в квартале Итидзё, дождь полил снова. Я заслонился зонтом от косых струй и еле брел. Но ведь путь мой лежал только по большому тракту, я никак не должен был заблудиться. По-видимому, мысли мои были заняты дождем, вот я и оказался в квартале Савараги у реки Хоригава. Заметив это, я подумал, что, вероятно, загородившись зонтом, перепутал направление и шел на юго-восток. Теперь я решил пойти восточнее, но сам того не желая, следовал к западу от реки Хоригава. И все же, места мне были знакомы, этим я успокаивал свое сердце, и в конце концов, по улице Марудамати, напрямик на восток, вернулся домой. Солнце уже садилось. Болящая монахиня¹² беспокоилась и ждала меня, стоя на перекрестке. "Был у Тайга",- только и сказал я ей, входя. Ноги устали, в глазах темно, а на душе и того черней. Велел постелить под светильником, лег и сладко уснул до зари. Разве это не лисы меня попутали и в этот раз? И Хансай, и я были в здравом рассудке, и чтоб так забыться среди дня! Определенно, лисьи чары сильнее человека. Школьный любимчик, "балованный папаша" Рикэн¹⁴ даже изредка не выходит за порог, вот и думает, что лисы не могут морочить людей. Смешно, да и только.

ПРИМЕЧАНИЯ

1

1. *Копировать приемы тюнагона Кёгоку* - тюнагоном Кёгоку называли Фудзивара Тэйка (1162-1241), известного поэта и теоретика поэзии, участвовавшего в составлении антологии "Синкокин вакасю" и других поэтических собраний.

2. *Цураюки и Мицунэ* - Ки-но Цураюки и Осикоти-но Мицунэ (X в.), выдающиеся поэты эпохи Хэйан, оба входили в число составителей первой императорской стихотворной антологии "Кокин вакасю".

3. *Тадаминэ* - Мибу-но Тадаминэ (ок.860-960), поэт, один из составителей "Кокин вакасю".

4. *Хитомаро* - Какиномото-но Хитомаро, выдающийся поэт, живший на рубеже VII и VIII вв., его творчество представлено в антологии "Манъёсю" (VIII в.). Ки-но Цураюки (см. комм.1, 2) высказывал похвалу Хитомаро в предисловии к "Кокин вакасю", а Мибу-но Тадаминэ посвятил ему стихотворение-нагаута (Кокин вакасю, 19). Акинари тоже высоко ценил стихи Хитомаро за их неподдельную искренность и противопоставлял "непосредственность" Хитомаро вычурности более поздних авторов. Акинари посвятил Хитомаро свою работу "Касэйдэн" (Биография гения поэзии), упоминал в других ученых трудах и художественных произведениях.

2

1. *Роан* - Одзава Роан (1723-1801), поэт и теоретик поэзии, один из самых выдающихся авторов вака эпохи Токугава, близкий друг Акинари.

3

1. *Кокэй* - Бан Кокэй (1733-1806), поэт и ученый школы кокугаку, некоторое время был дружен с Уэда Акинари, включил его биографию в свой сборник "Кинсэй кидзин дэн" (Биографии чудаков нашего времени, 1793).

2. *Поэтические "состязания мастеров"* - один из видов поэтических состязаний утаавасэ, когда присутствующие разбивались на две команды, избиралось жюри, и члены команд по очереди складывали стихи на заданную тему. На "состязаниях мастеров" темой объявлялся образ жизни ремесленников (плотников, кузнецов и т.д.).

3. *Следует это назвать "состязанием торговцев"* - Уэда Акинари иронизирует по поводу того, что большинство людей его круга (ученые школы кокугаку, поэты, слагавшие вака) жили на деньги, взимаемые с учеников, то есть, "торговали" искусством.

4

1. *Не было правил использования азбуки* - в своей работе "Рёгоцу" (О словах, имеющих душу, 1797), о которой идет речь в отрывке, Акинари рассуждал о проблемах становления японской письменности, в частности, говорил, что знаки слоговой азбуки кана использовались сначала без строго определенных правил, один и тот же знак мог обозначать разные слоги.

2. *Наоми* - Тани Наоми, ученик Акинари в области кокугаку, автор предисловия к "Рёгоцу"(см.комм. 4, 1.).

Светлой памяти Ольги Лазаревны Фишман

---

3. *Старец Харуми* - Мурата Харуми (1747-1813), поэт вака, ученый школы кокугаку, ученик Камо Мабути (см. комм. 4.9).

4. *Когда Яо уступил Шуню Поднебесную* - легендарные древне-китайские правители Яо и Шунь и в Китае, и в Японии считались идеальными мудрыми государями. В ряде своих произведений Уэда Акинари рассуждал о том, вправе ли государь уступать трон другому ("Угэцу моногатари", "Харусамэ моногатари"). Здесь он говорит, что отдать престол мудрому Шуню было благом для страны.

5. *Тан-ван говорил: "Из трех углов сети выпускаю, в один угол - добуду"* - легендарный правитель Тан-ван, основавший династию Инь (традиционно датируют 1766-1122 гг. до н.э.), по преданию, охотился, открыв три угла ловчей сети, то есть ловил лишь тех, кто хотел быть пойманным. Тем же способом завоевал он и сердца народа, привлекая на свою сторону лишь тех, кто этого хотел.

6. *Правитель тешил свое "я"* - имеется ввиду У-ван, основатель Чжоуской династии (1122-771 гг. до н.э.), свергнувшей династию Инь. Представители влиятельного в Чжоуской династии рода Цзи, по преданию, стали ванами 53-х княжеств (у Уэда Акинари - "сорок два государства"), лишь княжество Сун было оставлено потомкам свергнутой династии Инь. Акинари трактует действия У-вана как эгоистичные.

7. *"После того, как усвоишь общий смысл написанного в книге, узнать еще что-либо невозможно, так это и следует оставить"* - так Уэда Акинари передает слова известного китайского поэта IV в. Тао Юань-мина из его "Жизнеописания наставника У Пяти Ив": "Хотя читаю книги с удовольствием, я не ищу смысла в любой мелочи. Если каждый раз будешь сталкиваться с чем-то значительным, то в восторге и про еду забудешь".

8. *От одного вида весело* - Уэда Акинари пересказывает отрывок из жизнеописания Тао Юань-мина, содержащегося в "Записях эпохи Цзинь" (Цзинь шу). В "Цзинь шу" Тао Юань-мин говорит: "Постигнув душу инструмента, услышу и голос струн".

9. Дайбуцу-но	Смел пожар Большого Будду
Хасира-ва якэтэ	Рухнули опоры
Накунарину	Муравьи, что неустанно
Сэсэру ари домо	Там точили ходы,
Танто ваитари	Нынче развелись повсюду.

В стихотворении заключено иносказание: 2 июля 1798 года в храме Хокодзи в Киото из-за удара молнии сгорел центральный павильон с 20-метровой деревянной статуей Большого Будды, и Уэда Акинари уподобляет гибели Большого Будды смерть Камо Мабути (1697-1769). Ученики Мабути, как муравьи из разоренного гнезда, разбрелись повсюду, и стали, кто как умел, продолжать исследования в области кокугаку, основав много новых кружков и школ.

10. *Хань Юй* - китайский поэт, публицист, философ второй половины VIII - первой четверти IX вв.

5

1. *Считал очень занимательными стихи, которые зовутся хайку* - трехстишиями хайку Акинари увлекся в двадцатилетнем возрасте, печатался под псевдонимом Гёэн

Уэда Акинари. Тандай сё син року.

---

2. *После того, как выучился слагать вака* - согласно другим спискам "Тандай сёсин року", Акинари обратился к пятистишиям вака в возрасте тридцати лет.

3. *Обратиться к одному тюнагону* - по предположениям японского ученого Накамура Юкихико, имеется ввиду Фудзивара Тамэхиса (1740-1784), отпрыск младшей ветви семейства Рэйдзэй, издавна хранившего традиции сложения вака.

4. *Кэйтю* - буддийский священник Кэйтю (1640-1701) был одним из первых ученых направления кокугаку, ему принадлежат труды по поэтическим антологиям "Манъёсю", "Кокинсю" и другим памятникам японской литературы.

5. *Чудом познакомившись с учителем Фудзивара-но Умаки* - Като Умаки (1721-1777), ученый направления кокугаку, ученик Камо Мабути. Существует две версии относительно того, когда Акинари начал учиться у Като Умаки: 1768 и 1772 гг. Во всяком случае, познакомил их Такэбэ Аятари (1719-1774), как явствует из отрывка 69 "Тандай сёсин року".

6. *В возрасте от сорока трех до пятидесяти пяти я старательно трудился* - далее, в отрывке 69, Акинари рассказывает, что в тридцать девять лет он потерял при пожаре оставленное ему приемным отцом имущество и решил изучать медицину, в сорок два года начал сам практиковать как врач в Осака, а в пятьдесят пять лет навсегда оставил это занятие.

7. *"Рыба на исходе пути в тысячу ли"* - образ заимствован в китайской поэзии.

8. *Как учит Тао Юань-мин* - см. комм. 4.8.

9. *"Биться над тем, что непостижимо - это не ученость, а невежество"* - это цитата из произведения "Беседа за чаем у окна, затененного мандариновым деревом" (Киссо тява, 1788) ученого-конфуцианца Амэномори Хосю (1666-1755).

10. *Говорю про человека из провинции Исэ* - имеется ввиду ведущий филолог школы кокугаку Мотоори Норинага (1728-1801), который был родом из городка Мацудзака провинции Исэ. С Мотоори Норинага Акинари полемизировал по ряду литературных, исторических и политических проблем в работах "Рёгоцу", "Ясумигото" и др.

11. *"Кодзики"* - "Записи о делах древности" (712), первый памятник японской письменности, свод мифов, легенд, генеалогий и хроник правления. Мотоори Норинага видел в "Кодзики" основной источник для познания "Пути Японии" в древности, когда он еще не был искажен иноземными учениями. Фундаментальный труд Норинага "Кодзики дэн" представляет собой многотомный комментарий к "Кодзики", имеющий ценность и по сей день.

12.	Хоть и чушь городит он,	Хига кото-о
	Но учеников - подайте!	Иутэ нари томо
	Люди говорят недаром:	Дэси хоси я
	Толкователь-побирушка	Кодзики Дэмбэй-то
	Кодзики Дэмбэй.	Хито-ва иу томо

Стихотворение построено на омонимии слов "Кодзики дэн" (название труда Норинага) и "Кодзики Дэмбэй", где "кодзики" - это "нищий", "побирушка", а "Дэмбэй" - широко распространенное имя.

13. *"Самоучка ограничен"* - в "Шо юань", сборнике биографий и анекдотов, составленном Лю Сяном в конце I в. до н.э., говорится: "Самоучка, у которого нет друзей, становится ограниченным, и знания его не велики".

6

1. *Мабути* - Камо Мабути, см.комм. 4.9.

2. *Сайгё* - знаменитый поэт, один из любимых авторов Акинари, герой его новеллы "Круча Сираминэ" (Угэцу моногатари). Мирское имя Сайгё - Сато Норикиё (1118-1190).

3. *Когда он три года провел в горах Есино, то во множестве стихотворений писал: "Ах, облако!"* - в сборнике "Сэндзюсё" Сайгё пишет о себе: "Утолив желание покинуть дом, поднялся на гору Есино и провел там три года". Гора Есино славилась видом цветущих вишен. В сборнике стихов Сайгё "Санкасю" (Горная хижина) встречаем много примеров уподобления вишен Есино облакам.

4. *"Соловей и слива", "Додзёдзи"* - в общем, всегда есть свои *"три столпа"* - Уэда Акинари перечисляет вещи основополагающие, но вместе с тем, тривиальные, и уподобляет их буддийским "трем столпам" - поддерживающим твердь земную опорам из железа, воды и эфира. "Соловей и слива" - это наиболее распространенная, если не сказать избитая, тема для создания стихотворений вака на поэтических турнирах. "Дозёдзи" - одна из любимейших и часто воплощаемых на сцене пьес театра Но.

7

1. *Вот уже пятнадцать лет я живу постояльцем в столице* - несмотря на то, что правительство сёгуна находилось в Эдо, столицей продолжали называть местопребывание императорского двора, город Киото. Уэда Акинари перебрался в Киото из Осака в июне 1793 г. Поскольку собственный дом Акинари сгорел в 1771 г., всю оставшуюся жизнь он вынужден был нанимать жилье.

2. *Нара* - столица Японии в 710-784 гг.

3. *Тодоин* - несколько зданий официального назначения в дворцовом комплексе, парадным зданием среди них был дворец Дайгокудэн, где император совершал церемонии первого утра Нового года, весьма значимые в синтоистском ритуале. Недалеко находились императорские покои Дайри, их Акинари называет помещением, "в котором император обычно соизволял пребывать".

4. *Проспект, называемый Судзаку Одзи, ширина его 18 дзё* - центральный проспект старой столицы Киото, начинался от комплекса Тодоин (см.комм.7,3), однако ширина его, согласно памятнику "Энгисики", составляла 29 дзё. Ширина других улиц столицы Киото у Акинари указана в соответствии с "Энгисики".

8

1. *От пожара 4 года эры Тэнтоку* - имеется ввиду пожар в дворцовом комплексе, случившийся 23 сентября 960 г. по европейскому календарю и зафиксированный в исторической хронике "Нихон кираку" (Краткая хроника Японии). Интересно, что в этой хронике на китайском языке запись событий до 887г. представляет собой сокращенный вариант официальных японских хроник "Риккокуси" (Шесть историй страны), а начиная с правления императора Уда, события описаны на основании частных и полуофициальных дневников и заметок. Пожар 960 г. в официальных хрониках не зафиксирован.

2. *"История страны"* - в тексте сказано: "Кокуси". Видимо, имеются ввиду "Риккокуси" (Шесть историй страны). Акинари считал, что пострадавшие от пожара рукописи были доработаны и приобрели не такой вид, какой имели изначально, то есть, он ставит под сомнение абсолютную авторитетность официальных источников.

Уэда Акинари. Тандай сё син року.

---

3. *"Хоть и говорят, что зеркало и меч не пострадали, но есть доказательства, что они утрачены"* - В "Нихон кираку", в записи за 24 сентября 960 г. рассказывается о том, как после пожара на пепелище стали искать зеркало и меч, императорские регалии: "Стали выяснять, не пострадали ли от пожара, но все оказалось цело, и форма, и материалы, из коих изготовлено, не изменились, потому как особые, священные (предметы)". На чье утверждение об утрате регалий ссылается Акинари, не ясно.

9

1. *После смут годов Хогэн и Хэйдзи* - во время дворцовых переворотов 1156 года (первый год эры Хогэн) и 1159 года (первый год эры Хэйдзи) династические распри были впервые решены военным путем, что показало рост влияния воинского сословия.

2. *Великий сёгун Камакура* - Минамото Еритомо (1147-1199), основатель сёгунской системы правления, чьей столицей стала Камакура.

3. *Ведомство "наказания смутьянов"* - политическое учреждение Минамото Еритомо, который при создании сёгуната ввел в провинциях, уездах и селах должность соцуйбуси (иначе содзуйбуси или содзуйфуси), а себя объявил главным над ними и в 1185 году был признан императорским двором как Нихонкоку соцуйбуси (Глава Ведомства наказания смутьянов всей Японии).

4. *Кроме губернаторов* - должность губернатора (кокусю) была элементом старой (досёгунской) политической структуры.

5. *Влияние столицы упало* - имеется ввиду столица Киото, резиденция императорского двора, в противопоставление Камакуре, резиденции сёгуна.

10

1. *Велики были притязания государя Годайго, втайне замыслил он низвергнуть Камакура* - император Годайго (1288-1339) претендовал на реальную власть в государстве, и в 1334 году ему удалось устранить фактического правителя Ходзё Такатоки и на два года с лишним стать полновластным хозяином страны (так называемая реставрация годов Кэмму).

2. *Ходзё* - Ходзё Такатоки (1303-1333), в руках которого находилась политическая власть в последний период существования Камакурского сёгуната.

3. *Рэйдзэй-доно* - Фудзивара Тамэаки (1295-1364), поэт из знаменитого своими традициями семейства Нидзё. Фудзивара Тамэаки поддерживал императора Годайго в его борьбе за власть и был за это сослан в Тоса.

4.	Омоики я	Я шел сюда и думал,
	Вага Сикисима-но	Зачем пытаться хотите
	Мити нарадэ	Не о пути поэта
	Укиё-но кото-о	"Дороге в Сикисима",
	Товадзу бэси то ва	А о делах мирских?

Стихотворение и весь этот эпизод содержатся в "Тайхэйки", воинском эпосе XIV века. "Дорога в Сикисима" - это образное выражение, смысл которого - исконная японская поэзия вака. Сикисима - название местности неподалеку от города Нара, где некогда была резиденция десятого в династии императора Судзин. В поэзии слово Сикисима является постоянным эпитетом (макура котоба) к топониму Ямато - названию одной из провинций и страны в целом. Таким образом, "дорога в Сикисима" - это путь Японии, и это путь поэзии вака.

Светлой памяти Ольги Лазаревны Фишман

---

5. *Те, кто мог поверить, что его не в чем упрекнуть, должны были в конце концов погибнуть* - Ходзё Такатоки, поверивший в невиновность поэта Фудзивара Тамэаки, погиб, и власть дома Ходзё прекратилась. На смену, после недолгого правления императора Годайго, пришел Асикага Такаудзи.

6. *После низвержения властителей из Рокухара* - после того, как пал камакурский сёгунат (1334год). Рокухара - это название местности в Киото, где находилась резиденция наместников сёгуната в императорской столице.

7. *Схватили всех людей сёгуна, на чьей совести был замок Тихая* - замок Тихая был оплотом сторонников императора Годайго, и его обороной командовал знаменитый полководец Кусуноки Масасигэ (1294-1336), когда в 1333 году замок атаковали войска Ходзё Такатоки.

8.	Мина хито-но	При жизни в этом мире
	Е-ни ару токи ва	Иные преуспели
	Кадзу нарадэ	Я их числа не множил,
	Уки-ни ва морэну	Но неизбежна доля
	Вага ми нарикэри	Стать жалкой горстью
		праха

Стихотворение и весь эпизод взяты из "Тайхэйки" (XIV век).

9. *Случай с Минамото Есиизэ, когда он покарал супостатов в Муцу и возвращался в столицу* - Минамото Есиизэ (1041-1108) был одним из первых в ряду видных военачальников клана Минамото. В 1062 году он снискал славу, разбив войска Абэ Еритоки и его сына Садато, наместников в провинции Муцу, которые отказались подчиниться центральному правительству. Через двадцать лет Минамото Есиизэ вторично участвовал в военной кампании по усмирению мятежей в северных провинциях, уже как губернатор провинций Муцу и Дэва. В сборнике дидактических рассказов сэцува "Кокон тёмондзю" говорится, что когда Есиизэ с триумфом возвращался из первого похода в Муцу (1064 г.), он встретился с ученым и поэтом Оэ Масафуса (монашеское имя Го-Соти) и стал в дальнейшем его учеником.

10. *Почтенный наставник Го-Соти* - ученый, поэт, знаток военных доктрин Оэ Масафуса (1041-1111). См. комм. 10,9.

11

1. *Правый министр Сокэнъин* - Ода Нобунага (1534-1582), силой оружия объединивший под своей властью двадцать провинций Японии и официально правивший страной с 1573 года до своей смерти.

2. *Акэти Мицухидэ* - один из военачальников, служивших Ода Нобунага. Акэти Мицухидэ (1526-1582) предал Нобунага, окружив его в замке Хоннодзи и вынудив к самоубийству, однако через несколько дней он и сам был разбит войсками Тоётоми Хидэёси.

3. *Мори Ранмаро* - приближенный Ода Нобунага. Мори Ранмаро (1565-1582) погиб вместе с Нобунага при осаде замка Хоннодзи.

4. *Су шу* - военный трактат ханьского времени, составленный, по преданию, Хуан Ши-гуном.

12

1. *Тоётоми* - Тоётоми Хидэёси (1536-1598), военный правитель Японии с 1582 года до своей смерти.

2. *Ода* - Ода Нобунага. См. комм. 11, 1.

3. *Мацусита* - Мацусита Кахэз, князь, у которого служил Тоётоми Хидэёси под именем Киносита Токитиро. Однако, имя Киносита носил и отец Хидэёси, это было родовое имя клана, и Акинари ошибается, говоря о происхождении фамилии Киносита от фамилии князя Мацусита.

4. *Сменил имя на Хасиба, завидуя Сибата и Тамба* - Тамба Нагасигэ и Сибата Кацуиэ были видными военачальниками и вассалами Ода Нобунага, поэтому Тоётоми Хидэёси взял по одному иероглифу из их фамилий и составил имя Хасиба, которое и принял в знак того, что хотел бы равняться на этих двоих. В дальнейшем Тамба был понижен в ранге самим Хидэёси, пришедшим к власти, а Сибата Кацуиэ, поднявший мятеж против Хидэёси, в 1583 году был разбит в замке Кита-но сё. Этот исторический эпизод Акинари приводит также в новелле "Рассуждение о бедности и богатстве" сборника "Угэцу моногатари".

13

1. *Одно твердят: "Привидений не бывает"* - Скорее всего, не называя конкретных имен, Акинари намекает на ученого-конфуцианца Накаи Рикэн, о котором далее пишет в отрывке 29. См. комм. 29.1.

2. *Повесть о привидениях* - "Угэцу моногатари" (Повесть при луне во время дождя, 1776). В русском переводе см.: Луна в тумане. М. 1961.

3. *Даже волки часто насылают порчу, это записано и в "Нихонги", в начале свитка "Киммэй"* - в первой исторической хронике Японии "Нихонги" (Анналы Японии, 720), в свитке, рассказывающем о событиях, случившихся в правление императора Киммэй (539-571), приводится история о божествах-волках, которую Акинари полностью излагает далее в отрывке 31.

4. *Так называемые "ками"* - божества и духи синтоистского пантеона, духи предков, некоторых животных, предметов и явлений.

5. *Будды и мудрецы* - буддийские святые и патриархи конфуцианства.

6. *Я уже писал про это в "Беседах о богах"* - целиком работы с таким названием не сохранилось, но отрывочные рассуждения Акинари о японской религии и мифологии содержатся в эссе "Акияма ки" (Заметки с горы Акияма), может быть, они и имеются ввиду.

14

1. *Переносил невыносимые страдания от "напасти небесной"* - эпидемические заболевания считались небесной карой за людские прегрешения, поэтому Акинари употребляет слово тэнкобё - "болезнь, насылаемая небом".

2. *Приходили все наши врачи* - по-видимому, ученики и друзья осакского врача и писателя Цуга Тэйсё, у которого учился и сам Акинари.

3. *Жидкий рисовый отвар с медвежьей печенью* - высушенная вместе с желчью и растертая медвежья печень издавна использовалась в дальневосточной медицине.

4. *"Легкая пища, легкая одежда"* - гигиеническая система, согласно которой следует избегать обильной пищи и теплой одежды. Основатель системы неизвестен, врач Цурута, на которого ссылается Акинари, в других книгах и документах того времени не упоминается.

5. *После часа обезьяны* - после девяти часов вечера.

15

1. *Ян Чжу* - китайский мыслитель IV в. до н.э. Акинари приводит его высказывание, содержащееся в "Ле-цзы".

2. *В десятке с небольшим лет* - разделив пополам пятьдесят лет, Акинари получил десяток с небольшим потому, что пропустил еще одну фразу Ян Чжу, о том, что половина из оставшихся за вычетом старости, младенчества и сна двадцати пяти лет приходится на болезни. Быть может, пропуск не случаен, ведь в предыдущем отрывке речь шла как раз о болезнях.

3. *Стремиться к беспредельному, будучи в пределах - опасно* - изречение принадлежит древнекитайскому философу IV в. до н.э. Чжуан-цзы, содержится в одноименной книге.

16

1. *Издержки мирной политики* - словами "мирная политика" мы переводим термин тикоку - "замиренное государство", которым Акинари обозначает политику сёгунов Токугава.

17

1. *Конфуций бубнил: "Сяду на плот и поплыву по морю..."* - цитата из текста "Суждений и бесед" (Лунъюй), приводится как пример жалобы Конфуция на отсутствие признания. Буквально у Конфуция сказано: "Если не будет дороги, я сяду на плот и поплыву по морю. Разве тот, кто следует за мной -это Ю?" (цит. по 3 с.298)

2. *Зажали, пустив в продажу Шакья Муни* - Акинари говорит о том, что на начальном этапе проникновения в Японию (VI-VII вв.) буддизм по своему влиянию значительно превосходил конфуцианство, поскольку получил поддержку государства.

3. *Семеро будд.* - имеются ввиду семеро будд, которым следовало поклоняться во время поминальных служб буддийского праздника Бон. Имена всех семерых будд Акинари далее перечисляет.

4. *Шестеро будд пребывают в бедности и лишениях, среди них только будда изобильных сокровищ Тахо держит маленькую лавочку и может прокормиться* - из семерых будд (см. комм.17, 3) наиболее почитаемым является будда Амида, остальные шестеро получают от верующих гораздо меньше подношений, об этом и говорит Акинари. Далее он обыгрывает известный сюжет о том, что когда Шакья Муни проповедовал, будда Тахо (Прахута-ратна) исторг из земных недр пагоду, в знак истинности проповедуемого учения. В этой пагоде будда Тахо уступил место и Шакья Муни, и с тех пор во многих храмах есть пагода Тахото (башня Тахо), традиционно двухъярусная, где поклоняются сразу и Шакья Муни, и Тахо. Эту пагоду Акинари называет "лавочкой" - комисэ.

18

1. *Каннон* - буддийское божество (Авалокитешвара), которому традиция, как письменная (Лотосовая сутра), так и устная, приписывает исключительное могущество и милосердие.

2. *Милость, прямо, как у христианского Царя Небесного* - в христианских сектах Японии для обозначения Бога употреблялось слово тэнсю (небесный царь), у Акинари видим *тэнси* (небесный учитель, если исходить из иероглифов, а

фонетически - ангел). По-видимому, имелся ввиду все же Бог, но не будучи христианином, Акинари допустил ошибку в терминах.

20

1. *В гавани Сакаи, в Идзумо, где "ни ветра, ни волн нет в заливе Тину"* – ныне город Сакаи находится в префектуре Осака, Тину - это старое название той части Осацкого залива, которая омывала побережье возле Сакаи. В поэзии географическое название Тину традиционно ассоциировалось со спокойным морем и часто использовалось в подобном контексте.

2. *Пойти по городу в парадных хакама с визитами и денежными подношениями* - по обычаю, отмеченный наградой властей должен был посетить и одарить уважаемых в округе людей, почтенных стариков. Хакама - широкие шаровары, напоминающие юбку-брюки.

3. *Сёдзи* - раздвижные перегородки из деревянных реек и промасленной бумаги, используются для членения пространства в японском доме.

4. *Покушаете в Сумиёси, в Тэннодзи или, как обычно, в Росюнан* - синтоистский храм Сумиёси и буддийский храм Тэннодзи были расположены на южной окраине города Осака и служили излюбленным местом загородных прогулок горожан. Посещение храмов сопровождалось развлечениями и отдыхом в чайных заведениях. По-видимому, таким местом был и упоминаемый в тексте Росюнан, но возможно, что это название забытого ныне храма.

5. *Китаец Чан Жуй-ту* - историческое лицо, известный каллиграф, в ряде письменных источников упоминается также под именем Чан Гун.

6. *Ли и Ван* - Ли Пань-лун и Ван Ши-чжэнь, жили в эпоху Мин, основатели школы Гувэнь ципай, идеализировавшей китайскую древность.

7. *"Щебетал, как воробьи на крыше училища Кангакуин"* - существует поговорка: "Воробьи на крыше училища Кангакуин щебечут истории из Мэн Цю". Училище Кангакуин - это учебное заведение для подготовки высокопоставленных чиновников, основанное в 821 году японским аристократическим семейством Фудзивара и просуществовавшее четыре века. Китайский памятник "Мэн Цю", представляющий собрание исторических анекдотов, и в Китае, и в Японии служил учебником для подрастающего поколения, поскольку изложенное в нем легко запоминалось детьми. Суть поговорки сводится к тому, что в атмосфере учения дети все схватывают налету.

8. *Время подняться до "голубых облаков"* - фразеологический оборот "голубые облака" (сэйун) означает высокое положение в обществе.

21

1. *Где была шелковичная плантация - там чайный домик открывают* - аллюзия на известный китайский образ переменчивости всего земного: вместо шелковичной плантации - синее море (по-японски: содэн хэндзитэ, сокай ни наримас).

2. *С моста Сандзё видно было храм Гион* - мост на пересечении проспекта Сандзё (г.Киото) и реки Камогава находится близко от храма Гион (Хатиман дзиндзя), но уже во времена Акинари храм был не виден из-за плотной застройки города Киото.

3. *Река Камо не текла грязью, и театры стояли прямо на нынешнем тракте Ямато* - Акинари говорит о том, что прежде река Камо не пересыхала и не мелела.

Светлой памяти Ольги Лазаревны Фишман

Во время написания "Тандай сёсин року" (начало XIX в.) театры располагались в долине обмелевшей реки Камо, на ее восточном берегу, а не на тракте Ямато, параллельном реке Камо.

4. *Нынче на равнине Макудзу слышится не шум ветра, а звуки барабанчика и сямисэна* - равнина Макудзу находилась к востоку от храма Гион, на месте нынешнего парка Эндзан коэн. Вся фраза построена на образах японской поэзии, прежде всего, стихотворения из антологии "Синкокин вакасю":

Вага кои ва	Любовь моя
Мацу-о дзиу-но	Не изменила цвета сосен,
Сомэканэтэ	Как дождь осенний,
Макудзу-га хара-ни	Как шум ветра,
Кадзэ савагу нари	Что дует на равнине Макудзу

(N 12)

Слова кадзэ савагу (ветер шумит) - постоянный эпитет к топониму Макудзу-га хара (равнина Макудзу). У Акинари шуму ветра противопоставлены звуки барабанчика и сямисэна (музыкальный инструмент) - традиционные символы веселых кварталов.

5. *"Буу-буу" - гудели здесь прежде ивовые луки, теперь же цикады стрекочут свое "тинтирори"* - некогда равнина Макудзу (см. комм. 21,4) была известна площадками для состязаний в стрельбе из лука, во времена Акинари площадок не стало.

6. *В стране идет слава о картинах и каллиграфии дома Тайга* - известный художник и каллиграф Икэ-но Тайга (1723-1776), последователь так называемой Южной школы (нанга), научил рисовать и свою жену (см. комм. 21,12), поэтому Акинари говорит о "доме Тайга".

7. *Тушь пролилась тремя руслами Ганга* - одним из названий Ганга было: "Река с тремя руслами" (яп. сандорю), на этом строится шутка Акинари.

8. *Вы ведь, кажется, из Додзима, - говоря так, он написал: "Куробунэ Тадаисиэмон"* - Уэда Акинари жил в квартале Додзима города Осака. С кварталом Додзима связаны события ряда пьес кукольного театра дзёрури, в которых главным героем является некий Куробунэ Тадаисиэмон.

9. *Это клубень горного батата* - горный батат имеет на кожице длинные волоски, похожие на бороду, и потому такой рисунок считался пожеланием долголетия.

10. *Один-два сё* - мера емкости 1 сё составляла 0,0018л, ею измеряли небольшие количества риса.

11. *Гокаку* - Фукухара Гокаку (1731-1800), осакский художник, ученик Икэ-но Тайга.

12. *Гёкурун* - псевдоним художницы Икэ Матико (1727-1784), жены Икэ-но Тайга и его ученицы.

13. *Сто мон* - небольшая сумма денег, на которую можно было, например, купить вина и закуски. 1 мон - мелкая денежная единица.

14. *У кого нет десяти каммэ на жертвенные лепешки, к тому и весна не придет* - поскольку речь в отрывке идет о встрече нового года, который в Японии ассоциировался с приходом весны, то упоминаются атрибуты новогоднего ритуала,

---

Уэда Акинари. Тандай сё син року.

жертвенные лепешки кагами.. Каммэ - это серебряная монета, составляла 960 мон (см. комм. 21,13).

15. *Драгоценная Орхидея* - так можно буквально расшифровать псевдоним Гёкуран (см. комм. 21,12), и Акинари обыгрывает семантику псевдонима, пишет иногда вместо Гёкуран Гёкуси (букв. драгоценное дитя).

16. *Пару листов велел ему подписать: "Неизвестный автор"* - настоящее имя художника Икэ-но Тайга - Икэ Арина, причем имя Арина записано необычными иероглифами 無名, что значит "Имя неизвестно". Этими же иероглифами иногда обозначали в каталогах картины неизвестных авторов. По-видимому, горожанам это казалось забавным.

17. *Павильон Тайга - Тайгадо* - одним из псевдонимов Тайга был Тайгадо (大雅堂), где последний иероглиф употреблялся как суффикс высокого лица, однако этот же иероглиф может иметь значение "зал", "павильон". Ученики Икэ-но Тайга называли так чайный павильон, построенный в память об учителе. Однако, сам Тайга не увлекался чайной церемонией, поэтому Акинари обыгрывает семантику слова тайга (букв. "большая изысканность") и называет павильон Найгадо ("нет изысканности), в нашем переводе "Павильон Нелепости".

18. *Чайный павильон в духе Ланьтина* - павильон Ланьтин принадлежал Ван Си-чжи, прославленному китайскому поэту, художнику, патриарху каллиграфии (Шв.н.э.)

19. *Испепеленные палаты Муромати* - дворец сёгуна Асикага Есимцу (1358-1408) в районе Муромати города Киото назывался Хана-но госё (Дворец цветов) и славился своей роскошью, но к XVIII веку от него остались лишь воспоминания и он служил символом бренности.

20. *Картины Бусона* - Еса Бусон (1716-1783) прославился как поэт и как художник, в живописи работал в жанре бундзинга (кит. вэньжэньхуа).

21. *Ценят наравне с цветами сакуры, что растет на горе Такама* - цветы сакуры на горе Такама (иначе Конгосан) в префектуре Ямато издавна славилась красотой.

22. *Хозяину веселого дома "Колокольчик" в квартале Симабара он в свое время нарисовал немало* - в квартале Симабара в Киото были сосредоточены публичные дома, известный художник мог расплатиться с хозяином заведения своими картинами.

23. *Во множестве хранящиеся у одного зеленщика в Нагамати документы, якобы, принадлежащие кисти Кэйтю* - сведений о зеленщике не сохранилось, квартал Нагамати находится в городе Осака. Кэйтю - ученый школы кокутаку (см. комм. 5,4).

24. *Басё* - прославленный поэт Мацуо Басё (1644-1694), писал стихи в жанре хайку. Акинари здесь, и в других отрывках, отзывается о Басё без пиетета, хотя он еще при жизни был признан в Японии лучшим поэтом хайку.

25. *Бумаги секты Таката, полученные с севера* - сектой, или школой, Таката называли одно из ответвлений буддийской секты Синсю, иначе эта школа еще называлась Сэнсюдзи ха, по названию ее главного храма Сэнсюдзи. Храм Сэнсюдзи находился в провинции Симоцукэ (ныне префектура Тотиги), на севере равнины Канто. Полученные "с севера", то есть из главного храма секты, бумаги особенно ценились знатоками.

Светлой памяти Ольги Лазаревны Фишман

---

26. *На проспекте Сандзё есть община этой секты, через них и достаются мне эти подделки* - проспект Сандзё находится в Киото, то есть, эксперт получает бумаги не из провинции Симоцукэ, что снижает их ценность.

27. *За каждую по одному рё серебром* - серебряная монета в один рё обладала достаточно большой покупательной способностью. Далее, в отрывке 69, сказано, что покупка и перестройка дома обошлась Акинари в 270 рё.

28. *Тантан* - Мацуки Тантан (1674-1761), осакский поэт жанра хайку.

29. *Сюкё* - поэтический псевдоним богатого горожанина по фамилии Нагамото, имя неизвестно.

30. *"Чайная церемония одного гостя"* - такую церемонию устраивают для одного почетного гостя, ему оказывают особые знаки внимания, в частности, гостю доверяют после окончания церемонии свернуть свиток с картиной или каллиграфической надписью, украшавший помещение.

22

1. *Когда я, старик, только поселился в столице* - Уэда Акинари поселился в Киото, в квартале Фукуромати, летом 1793 г.

2. *Конфуцианец Мурасэ Каэмон* - Мурасэ Котэй (1746-1818), служил в клане Акита клановым конфуцианцем, затем вышел в отставку и поселился в Киото. С Акинари был знаком на почве увлечения чайной церемонией.

3. *В начале двухсотлетнего правления* - в начале эпохи Токугава, когда к власти пришел Токугава Иэясу (1615г.). Ко времени написания "Тандай сёсин року" сёгуны династии Токугава находились у власти почти двести лет.

4. *Уж не Осака ли с Эдо вытянули все денежки* - Акинари намекает на то, что в эпоху Токугава город Киото уступил экономическое первенство новым центрам, Осака и Эдо.

23

1. *Минагава Бундзо* - Минагава Киэн (1734-1807), известный конфуцианский ученый, занимался также живописью и каллиграфией. Имел в Киото собственную школу, прославился большим количеством учеников (более 3000 человек).

2. *Фудзия Сэндзаэмон* - младший брат Минагава Киэн, Фудзия Сэндзаэмон (1738-1779) получил свою фамилию от приемных родителей, был ученым направления кокугаку.

24

1. *Мурасэ* - Мурасэ Каэмон, см. комм.22,2.

25

1. *Нескромно было бы сказать, что Осакское училище имеет значение для всей страны, но это и не провинциальная школа* - под Осакским училищем подразумевается Кайтоку сёин или, иначе, Кайтокудо, учебное заведение для горожан и их детей. Определяя статус Кайтокудо, Акинари пользуется классификационными терминами, которые приводятся в главе "Лицзи", посвященной обучению: "Дома - частный учитель, в деревне классы, в уезде - провинциальная школа, в стране - общегосударственное училище" (Цит. по 3,с.267).

2. *Основатель, Миякэ Сэкиан, следовал учению Ван Ян-мина* - конфуцианец Миякэ Сэкиан (1665-1730), известен также как Миякэ Маннэн, был

Уэда Акинари. Тандай сё син року.

сподвижником основателя школы Кайтокудо (см.комм.25,1) конфуцианца Накаи Сюан, основавшего это училище в 1726 г. Миякэ Сэкиан преподавал в Кайтокудо учение Ван Ян-мина, по-японски оёмэйгаку.

3. *Что свежего...* - Акинари приводит стихотворение Миякэ Сэкиан, который время от времени публиковал свои стихи под псевдонимом Сэнсэки, однако всерьез поэзией не занимался.

4. *Басё и прочие "сочинители" не идут с ним ни в какое сравнение* - Акинари пренебрежительно называет выдающегося поэта Мацуо Басё "сочинителем" (косираэмоно), противопоставляя ему непрофессионала.

26

1. *Учитель Гои* - Гои Рансю (1694-1762), один из наставников-конфуцианцев в Кайтокудо, сын Гои Дзикэн (1640-1721), основателя осакской конфуцианской школы.

2. *Такэяма и Рикэн* - Накаи Такэяма (1730-1804) и его младший брат Накаи Рикэн (1732-1817), ученые-конфуцианцы, преподавали в Кайтокудо. До сих пор не установлено, учился ли в Кайтокудо сам Уэда Акинари. Если учился, то он мог хорошо знать обоих братьев в годы учебы, поскольку все трое принадлежат к одному поколению.

3. *Что служанка кабура возле гетеры высокого ранга* - по традиции, проститутки ранга таю и тэндзин имели при себе девочек-прислужниц кабура, которые были и ученицами в ремесле.

4. *Учитель Гои исповедовал учение Кэйтю* - об основоположнике кокугаку Кэйтю см. комм. 4,4. Гои Рансю, действительно, хорошо был знаком с трудами Кэйтю, поскольку его отец, ученый Гои Дзикэн, дружил с Кэйтю и сам занимался изучением памятников японской литературы.

5. *"Продолжение повести об Отикубо"* - подражательное литературное произведение (1 свиток), персонажами являются дети героев классического произведения "Отикубо моногатари" (X в.). В русском переводе см. "Повесть о прекрасной Отикубо" в кн.: Две старинные японские повести. М., 1976.

6. *Этот Бамбуковый Холм горы свернет, да еще с выгодой продаст* - так мы переводим шутку Акинари: Такэяма ва ямакокаси. Акинари обыгрывает имя героя, которое в иероглифическом начертании (竹山) означает "бамбуковая гора, бамбуковый холм", и употребляет фразеологизм ямакокаси, буквальный перевод которого "опрокидывать горы", но означает он спекуляцию, бойкую и выгодную торговлю.

7. *Балагур Юкитомо* - вероятно, один из учеников Кайтокудо, личность не установлена.

8. *Нашему Паиньке на это нечего возразить* - прозвище Накаи Рикэн (см. комм. 26,2.) было Дзэнта (善太) - благоденственный, паинька.

9. *Когда его пригласил на службу князь Сиракава* - имеется ввиду тогдашний советник сёгуна, Мацудайра Саданобу, который принадлежал к клану Сиракава. Как отмечает Накамура Юкихико, приглашение от Мацудайра Саданобу могло последовать в 1789 г., когда советник сёгуна посетил Осака (См. 3 с.286).

10. *Сбрил волосы, как это делают люди свободных профессий* - в тексте сказано, что Рикэн сделал причёску киригами (бритая голова с пучком волос на

темени), такую прическу носили ронины (самураи, не имеющие хозяина и не получающие пайка), врачи, ученые, художники.

11. *Двери школы - это врата ада* - у Акинари употреблено слово гокумондзё, которое буквально означает "адские врата", но использовалось для обозначения казни отрубанием головы и места, где выставляли головы казненных (обычно на воротах тюрьмы). Несомненна и связь по звучанию между гокумондзё и гакумондзё (обитель науки), как официально именовали училище Кайтокудо.

27

1. *Собачье естество* - этими словами переводим ину га сага. В отрывке 13 Акинари рассуждает о духах ками и оборотнях, лисах и барсуках, там тоже используется слово сага (естество) и сказано: "Натура их такова, что для них нет хорошего и плохого, правды и лжи". Видимо, в данном случае также собака, собачье естество - это для Акинари пример "нечеловеческой" природы.

28

1. См.комм. 27,1.

29

1. *"Чтоб лисицы сблизились с людьми..."* - рационалистические взгляды Накаи Рикэн (см.комм. 26,2) высказаны в ряде его работ, Акинари, видимо, цитирует по памяти.

2. *Хосоай Хансай* - ученый-конфуцианец, занимался также поэзией и каллиграфией. Хосоай Хансай (1726-1803) был одним из немногих друзей Акинари, особенно они сблизились на склоне лет, когда Акинари поселился в Киото.

3. *Храм Ниси Хонрайдзи* - главный храм направления Ниси хонрайдзиха секты Синсю..

4. *Вышел с улочки Масляной квартала Сандзё* - Хосоай Хансай вышел из своего дома, который находился в квартале Сандзё. Храм Ниси Хонрайдзи, куда лежал его путь, находился недалеко от квартала Сандзё, в северо-восточном направлении.

5. *Покинул свое скромное жилище в Камодзу и отправился в храм Дзёдоин, что напротив Серебряного павильона* - "скромное жилище в Камодзу" - это домик на восточном берегу реки Камо в квартале Марудамати в Киото, где Акинари жил в период 1800-1806 гг. Храм Дзёдоин - это местный храм деревни Дзёдодзимура, находился недалеко от знаменитого и поныне Серебряного павильона (храма Дзисёдзи).

6. *Оказался в деревне Сиракава* - Акинари слишком далеко зашел в северном направлении. Деревня Сиракава сейчас находится в черте города Киото, район называется Кита Сиракава..

7. *Дзёдодзимура* - см.комм. 29,5.

8. *Очутился перед храмом Мильона Молитв* - так называли храм Тиондзи., один из основных храмов буддийской секты Дзёдо. Акинари следовало двигаться на юго-запад, он же пошел в западном направлении.

9. *Поклониться богам Китано* - имеется ввиду синтоистский храм Китано Тэммангу в Киото.

10. *Тайга Ига* - вероятно, знакомый Акинари, других сведений нет.

Уэда Акинари. Тандай сё син року.

---

11. *Двенадцать или тринадцать тё* - приблизительно 1300 метров, так как 1 тё = 109,09 метра.

12. *Болящая монахиня* - так Акинари называет свою приемную дочь, которая была слаба здоровьем и приняла монашеский сан, однако продолжала жить вместе со старым Акинари и заботилась о нем после смерти жены Акинари.

13. *Школьный любимчик, "балованный папаша" Рикэн* - так переводим шутку Акинари гакко-но футокоро симпу, адресованную Накаи Рикэн (см. комм. 26,2). Акинари обыгрывает фразеологизм *футокорого* - баловень, буквально "ребенок за пазухой", однако вместо "ребенка" (ко) у него появляется "папаша" (симпу), поскольку Рикэн был уже в преклонных годах, как и Акинари, а кроме того, был наставником в училище Кайтокудо ("в школе"), и в этом смысле тоже был ближе к отцам, чем к детям.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Морияма Сигэо. Уэда Акинари сёки укиёдзоси хёсяку. Токио, 1977.
2. Уэда Акинари дзэнсю. Т.1-14. Токио, 1990.
3. Уэда Акинари сю. - Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т.56. Токио, 1959.
4. Уэда Акинари сю. Токио, 1914.
5. Уэда Акинари. Угэцу моногатари, Кусэ моногатари. Токио, 1979.
6. Уэда Акинари. Харусамэ моногатари, Какидзомэ кигэнкай. Токио, 1980.
7. Фудзии Отоо. Акинари ибун. Токио, 1919.

Перевод и комментарии И.В.Мельниковой